

Валерий Вяткин

В КРУГУ
ЗАВЕТНОЙ
КРАСОТЫ

*Светлой памяти моей матери
Александры Алексеевны Вяткиной
посвящаю*

Валерий Вяткин

В КРУГУ ЗАВЕТНОЙ КРАСОТЫ

Лирические миниатюры о природе

Пермь
2005

УДК 882-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6—5
В 99

Книга издана на средства гранта администрации г. Перми, полученного автором на конкурсе культурных проектов 2004 года.

Валерий Викторович Вяткин окончил Пермский государственный университет. Историк. В разные годы работал экономистом, юрисконсультom, учителем, исполнительным секретарем Межконфессионального консультативного комитета Пермской области и др. Занимается научной работой.

Он — автор восьми книг в жанре православной публицистики. Имеет три награды Русской Православной Церкви: орден Преподобного Сергия Радонежского III степени, медаль Преподобного Сергия Радонежского I степени и медаль Святого князя Даниила Московского.

В. Вяткин — член Союза писателей России. Книгу лирических миниатюр он писал 15 лет. Впечатления от природы, память о долгих часах наблюдений и раздумий, прогулок и поездок по родному Вятскому краю и дорогам Пермской области — вот содержание книги. Автор никогда не был охотником — в природе он давно уже собирает только впечатления.

О КНИГЕ ВАЛЕРИЯ ВЯТКИНА «В КРУГУ ЗАВЕТНОЙ КРАСОТЫ»

Одна из включенных в книгу миниатюр — «Ищу откровений в природе» — завершается словами о том, что «в преодолении трудностей крепнут и украшаются натуры. Именно через страдания пролегает путь к красоте — высокой и светоносной». Мысль эта приходит к герою при взгляде на пробивающееся между плитами городского асфальта самое обыкновенное растение. Умение видеть общее в частном, красоту в обыкновенном — отличительная черта Валерия Викторовича Вяткина, автора этой книги.

Читая ее, обращаешься памятью к большой традиции отечественной литературы о природе, адресованной равно взрослым и детям. Проза пермского писателя существует как ее естественное продолжение и развитие. «Портреты» птиц, многие зарисовки с натуры напоминают нам произведения Виталия Бианки. Небольшие рассказы с неожиданным концом, как «Мой первый журавль», — «мещорские» страницы Константина Паустовского.

Валерий Вяткин — человек культуры, и цитаты, аллюзии органично вплетаются в его текст. Любимые произведения постоянно возникают в памяти автора: строчки стихов от В. Шекспира и А. Пушкина, через В. Соловьева, О. Мандельштама, С. Есенина, Н. Заболоцкого до нашего земляка Алексея Решетова.

Валерий Викторович Вяткин создает миниатюры — жанр сложный, требующий языкового чутья, композиционного мастерства. Миниатюры оформляются в циклы, в которых каждая из них обретает дополнительные смыслы. Явления природы, изображенные «в кругу заветной красоты», объединяются представлением о вечном движении бытия, его единстве и нерасторжимости. Душа автора переживает состояния, эмоционально созвучные временам года: элегическое осеннее «И в красоте слышна печаль», зимнее «Контрастен мир и полон диссонансов», мысль о вечном возвращении жизни весной воплощена в «Тихом свете надежды», гармония летних дней — в цикле «Вновь красота, пленяя, торжествует».

Миниатюра — проза, граничащая с поэзией. Ее лаконизм требует внимания к ритмической организации, особой выразительности звучания. Для героя, «полная контрастов и диссонансов, звучит, не смолкая, симфония жизни» («Тополь

и шиповник»). Проза обретает отчетливый ритм («Черемуха»). Многочисленны «музыкальные» названия: «Тема с вариациями», «Музыка любви», «Испанское каприччио», «Вальс цветов». В числе завершающих глав — «одетое солнечным светом» «Блистательное скерцо», торжественная «Симфония рожи».

Гармоничность мироощущения предопределяется христианскими воззрениями автора. Это способность принять жизнь человека и его уход как неизбежность, восхищение красотой дольного мира. Это характерные сравнения обыденного и вечного: осенние цветы чертополоха, по мнению автора, «как живая душа, которой открыта дорога в бессмертье»; «весеннее пробуждение в природе сродни воскресению умерших».

Жизнь природы соотносится с православным календарем, годичным циклом его главных праздников. Образы Библии, цитаты из нее — сквозной мотив книги, основа ее целостности. «Посмотрите», «полюбуйтесь» — призывает нас автор; его восхищает многообразие обыденных, на первый взгляд, явлений, и он вспоминает библейские строки: «Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103, 24). Великая Книга цитируется, когда речь идет о простом щегле, птице наших лесов. (Он прекрасен: «красный, черный, белый, светло-коричневый».) «Разноцветная птица», упоминаемая в книге пророка Иеремии (гл. 12, ст. 9), в представлении автора — «наш красавец-щегол».

Христианское стремление научать, руководить читателем на пути к нравственному просветлению выражается у Валерия Вяткина в афористичности названий («Крепки объятия печали») и завершающих фраз: «Труд и томление духа — как часто они неразлучны!» («В поте лица своего»). Автор обращается к притчам, аллегориям, противопоставляя в них добро и зло, что отражено и в названиях: «Лед и пламень», «Черное и белое» и др.

Книга Валерия Вяткина адресована всем, большим и маленьким, читателям, потому что она учит добру, вниманию к миру и людям.

В. Е. КАЙГОРОВА,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
педагогического университета.

И В КРАСОТЕ СЛЫШНА ПЕЧАЛЬ

Ритмы осени

*Смерть и рождение сплетаются,
переливаются друг в друга.*

П. А. Флоренский

Как будто полная тишина установилась в лесу. Но беспрерывно кружился желтый лист, повисший на нити паутины. Старинный вальс «Осенний сон» не вспомнился в ту минуту: думалось о неумолимом беге времени. И жизнь, и смерть — все смешалось во временном потоке: не только желтые листья слетали с берез, но и семена будущей жизни. Причудливым узором они стлались по тропинкам — ложились под ноги. Иную листву, неся ее как украшение, бережно принимали сосновые ветви. Молчание осенних деревьев лилось на землю, и беспрерывно кружился березовый лист.

Прощаюсь с чеканами

Возможностью наблюдать за чеканами я особенно дорожу, когда отомрет большинство луговых цветов. Устраиваясь на вершинках высоких луговых растений, чеканы как бы оживляют полосы некошенных пересохших трав.

У лугового чекана круто изогнутые широкие белые «брови». Из-за такого украшения чекан кажется улыбающимся или, по крайней мере, располагающим всегда хорошим настроением.

Вчера я приходил к чеканам: прелестные были минуты. Я шел по тропинке — улыбка светилась на васильке, на пижме, на репейнике...

При моем приближении чеканы не беспокоились, как беспокоятся они в пору выведения птенцов; не слышно было ха-

рактерного «чек-чек-чек...» Они спокойно смотрели на меня и... улыбались.

А сегодня их уже нет. Грустно как-то и пусто. Лишь только бабочки-траурницы летают над пожухшей травой.

Осенний этюд

Каждой осенью, когда уже заложены основы будущей жизни, в природе опять наступает время любви. Нет, не той многоголосой и буйной, что звучит радостным гимном весной. Осенняя любовь — это прощание.

Загораются красные «маки» в кронах осин и черемух, колера бордовых георгинов принимают листья вяза, желтых — березы. Несмотря на близость холодов, цветет в теплую осень спирея, другие, уже давшие плоды деревья и кустарники. На весенние токовища возвращаются тетерева. Спешит к своей подруге на призывный голос рябчик.

Не ради новых выводов по-весеннему ведут себя осенью птицы и звери. Такое поведение диктуют законы осенней любви, которая как воспоминание о любви прошедшей.

Для многих она больше не повторится. Не потому ли всюду ощутима тихая кроткая грусть, особенно слышная в голосах улетающих гусей и журавлей...

Когда прошла любовь

Первоначальной осенью редкое дерево не вызывает желания восторгаться его красотой. Но тополек, растущий на дорожной обочине, приглянулся мне особенно: в его нижние ветви вплелись стебли цветущего цикория, будто голубыми бантами украсив золотистые пряди умирающих листьев.

Однако печальной была красота этого тополяка, как по-особому печальным бывает вид человека, когда он вдруг похорошеет в последние свои часы...

Вот и в песне готовящегося к отлету скворца не слышится ни радости, ни весенней удали. Облетев на прощание вместе со своей подругой знакомые места возле их весеннего жилища, он присел «на дорожку» и вполголоса спел те же самые весенние «куплеты», но совсем по-другому: так негромко, для себя, читают любовные письма, когда любовь уже ушла навсегда.

Метаморфозы

Сколько же было света в тот сентябрьский денек, когда наконец-то показалось солнце!

Тополек под нашим окном, что стоял в непогоду бедным Лазарем, покрытым растрепанной рогожкой, в мгновение ока преобразился в красавца, облаченного в сияющую золотую порфиру. И милостиво смотрело на него солнце — так глядит на «люди своя» Высший Справедливейший Судия, — и необыкновенно щедро струились солнечные лучи, и были похожи на них распростертые повсюду сияющие нити паутины...

Но недолго же быть благодати! И вот наш тополек — с одним-единственным листком на вершине и машет им, как сигнальным флагом: «На подходе зима: готовьтесь...»

И летят над ним стаи чечеток с мерным выкриком «чет-чечет...» И уже где-то на Севере расправляет свои крылья зима...

Стоит ли удивляться

Никто не возразит, услышав, что природа — это настоящая музыкальная поэма. Сколько в ней созвучий, мелодий и тем! Разве не рифмуются цветущие василек и цикорий, мышиный горошек и донник, восходы и закаты солнца?.. Длинный этот перечень можно не продолжать.

Но не думается ли вам, что и осенние — мертвые — листья созвучны живым — зеленым? Стоит ли удивляться: по жизни вашей и смерти ваша, — простую эту истину оспорить нельзя.

Дума о смерти свята. Для иных в ней не больше страхов, чем в умирающих осенних листьях.

Лапка

Старая бездомная дворняжка положила своих щенят в логове, устроенном ею за околицей пригородной деревни.

Проходя там, я не раз видел эту хромую ледащую собаку. Ее черная с подпалинами шерсть в некоторых местах была выдрана: виднелось сизоватое тело, покрытое струпьями.

Я дал ей ласковую, как мне кажется, кличку Лапка, пожелав завязать с нею добрые отношения. Дворняжка быстро усвоила имя, поскольку я много раз повторял его, когда ее кормил.

Лапка каждый вечер ждала меня на дорожной обочине, и когда я, приближаясь к логову, звал ее, встречала радостным лаем. Скоро я увидел и щенков: двух черношерстных крепышей с темно-желтыми ушами. Было видно, что детеныши Лапки недавно встали на ноги. Они неуверенно ковыляли между стеблями увядающего бастыльника и пробовали на нем свои зубки.

Уже один из первых дней моего знакомства с собачьим семейством чуть было не привел к гибели одного из щенков, и это по моей вине. Все было очень просто. Спеша в очередной раз накормить бездомных собак, я уложил еду в литровую стеклянную банку, а взять пустую банку обратно домой побрезговал.

Спустя два дня я опять навестил своих знакомых. У входа в логово мыкался в бурьяне и тихонько скулил щенок, голова которого помещалась в моей банке, и освободиться от нее он никак не мог. Потребовались усилия, чтобы освободить щенячью голову, после чего разные мысли стали приходить ко мне... Конечно, блажен я, что получил такой назидательный урок.

Когда я возвращался домой, Лапка увязалась было за мной, но вскоре остановилась и, сев на дорогу, смотрела на меня до тех пор, пока я не скрылся за поворотом. Признаюсь, в те минуты я не решался посмотреть ей в глаза. И не в одном пострадавшем щенке было дело.

Власть зимы

Октябрь клонится к закату. Расправляет свои жесткие крылья сиверко-ветер.

Власть переходит к строгой государыне зиме, которая, как все правители ее склада, не терпит инакомыслия. Не потому ли все принимает однообразно-унылый вид?

Согбенные березы

Прошедшей зимой были на редкость обильные снегопады — образовались богатырские сугробы. Для измерения их высоты потребовалась бы, пожалуй, и косая сажень.

Под тяжким снежным гнетом побывали деревья: нагнуло в лесу разных дуг. Особенно угнетались березы — главная «аркообразующая» порода в этих затеях зимы.

И вот растаял снег, но не все пострадавшие березы распрямились: иные так и остались согбенными, как молящийся при поясном поклоне. Не распрямились они и летом...

Проходя возле согбенных берез, я нередко думаю о тех людях, что обращаются к Богу лишь под невыносимым грузом бед и несчастий, которые вдруг в изобилии посылает им судьба. «Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим» (Пс. 118, 73), — если бы так говорили все страждущие.

Когда красота нестерпима

Той мартовской ночью дохнуло морозом и выпал обильный снег. А днем опять прояснилось.

Изящной была белизна, но от нее болели глаза. Крепчающий ветер носился над снегом, и, поднятые ветром, кололи лицо сухие снежинки.

По небу катилось горячее солнце. Небесная синева, прекрасная, — даже она казалась горячей. И все же стыли обильные вешние воды. Холодно было! Но много ли значил тот холод, когда нестерпимой казалась сама красота!

Апрельский снег

Конец апреля. Повсюду прошлогодняя пожухлая трава, как обещание все той же бесцветной жизни. И обреченный жить, глядишь, как безудержно тают последние островки залежалого снега. Сердце сжимает боль, и почему-то жаль этого никому не нужного снега, словно тает не снег, а твои последние надежды.

Заботы кряковой утицы

Посмотрите на покрытую темно-зеленым атласом голову крякового селезня, на его белый парчовый ошейничек, полюбуйтесь, как сверкают эти украшения в лучах яркого весеннего солнца, — и вы обязательно с восторгом скажете: «Да!.. Он ходит в шелках».

Как истый щеголь селезень не забывает часто охорашиваться — чистить свои перья. За этим занятием я и застал его однажды апрельским утром около лужицы в логу. А рядом с ним — его рябенькую подругу, сидевшую настороже. Вот уже селезень беззаботно щиплет молодую траву, а утица все еще в напряженном внимании. Видно, забота об их безопасности лежит в первую очередь на ней, подумал я, увидев к тому же, что в полете утица неизменно следовала впереди. А ему — «срывать

цветы удовольствия»: сейчас и в дальнейшем, проплывая где-нибудь «вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...» В то время как утица будет хлопотать о многочисленных птенцах, заботясь о целостности и сохранности каждого из них.

И, может быть, осенней порой ей предстоит увидеть, как хладнокровные и расчетливые охотники будут стрелять в ее уже вставших на крыло детей.

Бекасы

Два взволнованных моим приближением бекаса что есть мочи взметнулись (взлетая без известных зигзагов) в сторону и через несколько секунд отлетели на добрую сотню метров от обрамленного прошлогодней травой бочажка, возле которого они отдыхали во время весеннего перелета.

Но, набрав высоту, они изменили направление так, что повернулись ко мне боком и как бы описали вокруг меня изрядную дугу. При этом свисали их длинные, как ножки циркуля, клювы.

Через пару мгновений была видна только одна птица. А где-то недалеко от нее прозвучало жалобное «блеяние», напоминающее голос барашка. Видно, бекас-самец, выбившись из сил, отчаянно бросился в пике и умолял подругу не оставлять его.

О чем печалются птицы

Признаться, я с недоверием относился к утверждению о том, что «рюмачий» зяблик предсказывает ненастную погоду. Его грустное «рю-рю-рю...» мне случалось слышать и в разгар длительного вёдра.

Но недоверие мое поколебал сегодняшний вечерний дождь, первый после прилета зябликов, появившихся две недели назад, в течение которых я прислушивался к голосам этих птиц почти каждый день. Однако «рюменье» прозвучало единственно сегодня, когда было ясно и ничто, как мне казалось, не предвещало ненастья.

Как только капли дождя поспешно заударяли по крыше, я подумал: а может быть, непогода для зяблика — лишь одна из различных неприятностей, предчувствуя которые, он и «льет свои рюмы»...

Печаль ощутима подчас в голосах и других птиц. Плачет, летая над гнездовым лугом, чибис. Печальные свисты желтобровой пеночки раздаются в лесу — печальные, как склоненные цветы княжика...

О чем же печалются птицы? Не о том ли, что кратки минуты жизни?

Слушая листву

*За всякое праздное слово, какое
скажут люди, дадут они ответ
в день суда.*

(Мф. 12, 36)

Исподволь, как будто незаметно, у крыльца нашего дома поднялись березки. Много выше человеческого роста были они, когда я впервые засмотрелся на них в конце нынешнего мая. Нет, не облитые белизной стволы, не молодая глянцевитая зелень впечатлили меня — дороже всего был многоголосый говор листвы. Какая-то одержимость слышалась в нем: так отводит душу в разговоре долго молчавший человек. Огромным миром чудился этот говор. Но много ли мудрости заключалось в нем? Не больше ли ее в шепоте последних осенних листьев или в зимнем молчании деревьев? В одном я не сомневался: за многоголосую летнюю радость надо платить — платить зимним оцепенением.

Яблоня в цвету

Посмотрите на зимнюю яблоню: уродливо изогнутые ветви, далекий от прямизны ствол — словно, уже обессилив, все дерево разбито параличом. Но в пору цветения яблони вы не увидите ни ее ветвей, ни ствола, даже листья тонут в ослепительной белой кипени. Сумасшедшее изобилие цвета! Гулять, так гулять — известная на Руси натура.

Но приглядитесь, как дрожат на ветру яблоневые листья, как вздрагивают цветы, и вы поймете, что кратковременные улыбки природы, что даже в красоте сквозит печаль. Ответить за расточительное цветение, за сладкий дурман цветочного духа — ответить за всё: закон, увы, неизбывен.

И всё же гонишь от себя эти мысли, оглушенный веселым визгом стрижей.

Махаон

Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное.
(Мф. 19, 14)

В конце мая похолодало. По пути домой наш девятилетний мальчуган увидел на столбе оцепеневшего махаона. Признав положение махаона бедственным, он принес его к себе в комнату — отогреться.

Бабочка эта для меня не в диковинку. Но в тот день я, как мальчишка, долго рассматривал ее, любовался крыльями, желтые участки которых словно напоены солнечным светом.

Для меня зазвучала греческая тема. Но не потому, что бабочка эта носит имя одного из мифических героев Эллады: она являет собой образ не языческой Греции, а православной Византии. Ведь желтый и черный цвета на крыльях махаона напоминают государственный стяг великой империи: черный двуглавый орел на желтом фоне.

Вскоре махаон смежил свои роскошные крылья, и это навсегда. Чисто случайно он упал с подоконника на пол, и я, проходя через комнату, случайно на него наступил.

Мальчишка наш — тут же в слезы, забыв обо всем. Успокаивая сына, я убеждал его, что жизнь бабочек недолга и что этот махаон, надо думать, подошел к пределу своего возраста.

Когда рыдания прекратились, я почувствовал смущение от того, что, несмотря на мои восторги по поводу этой бабочки, я перенес ее гибель чересчур спокойно по сравнению с ребенком.

Однако об этом ли говорить... Ведь мы не всегда каемся и в вольных наших проступках.

Боярышницы

В начале прошлогодного лета можно было говорить о нашествии боярышниц. Они явились в таком количестве, в каком, наверное, вторгается только саранча. Легионы этих белокрылых бабочек почти кишели над радующей глаз молодой зеленью, чуть ли не залепляя лица прохожих, подобно снежным хлопьям.

В те дни всякий, кто знает об аппетитах боярышниц-гусе-

ниц, не захотел бы сравнить бабочек с яблоневыми лепестками, подчистую оборванными налетевшим ветром. Скорее, он испытал бы настроение владельца одной-единственной курицы, которую закогтил ястреб, забравшийся на вершину ближайшего дерева и начавший рассыпать на глазах у неудачника ее белые-белые перья.

Крепки объятия печали

Четыре мертвые березы в нашем логоу — как в белых саванах: печальный мотив в разгар перволетья. Стоящие в ряд, словно скорбную процессию составляют они. Но движения нет, и в мире земном остаются березы, в котором жизнь и смерть суть два равно необходимых сообщающихся сосуда.

Но прочь печальные мысли! Взгляни же, как отрицает смерть, как торжествует над нею вошедшая в силу трава. Следов увядания не видно совсем. Все молодо и свежо.

Не шелохнутся лишь четыре березы...

Три ясеня на яру

Стояло начало лета. Деревья дышали свежестью и радостно трепетали на ветру. Но эти три ясеня на склоне яра были мертвы: на одном из них уже отваливалась кора. Стволы двух ясеней соприкасались, а их кроны вбирали в себя друг друга, напоминая нам о любви, которая «никогда не перестает» (1 Кор. 13, 8). Но скорбным был мотив этой любви.

Несколько ниже, как третий член семейства, стоял еще один неживой ясень, сквозь ствол которого проходила железная труба. Нет, никто не сверлил это дерево: трубу прикрепили к ясеню в качестве поручня лестницы, спускающейся к реке. Растущий ясень вынужден был охватить трубу своей корой, а затем и самой древесиной. Огромные усилия потребовались ему. Истомленный борьбой, так и погиб он раньше срока. Прощальным приветом застыл в его ветвях желтый лист.

Трагедия эта отнюдь не нова. Железное кольцо увидел мой приятель на сломе упавшей в бурю сосны, что стояла вскрай Пестовской поляны городского леса. В далеком прошлом отдыхавшие на поляне купцы прибили к сосне кольцо для коновязи. Сосна вобрала кольцо в себя. Но рана внутри ствола не заживала и однажды в бурю привела к роковой развязке.

Ласточкин берег

*И птичка находит себе жилище
и ласточка гнездо себе, где поло-
жить птенцов своих.*

(Пс. 83, 4)

Наблюдать за жизнью береговых ласточек — для меня настоящая утеха. Какие они компанейские, неутомимые, ловкие!

Вот и сейчас, в жаркий июньский день, не откажу себе в удовольствии присесть в тени под ракитовым кустом на речном берегу, чтобы еще раз посмотреть, как они живут.

Речку пересекает солнечная «дорожка», ведущая к противоположному высокому берегу, «исполненному множеством очей», — входов в гнезда ласточек.

Вот одна из них задержалась на «крылечке» своей земляной каморки и, перед тем как забраться в нее, повернула голову почти вполоборота. (Такая чуть ли не совиная способность вращать головой ласточкам, движущимся к гнезду по узкому коридору, где трудно развернуться, просто необходима, чтобы, при нужде, хорошенько рассмотреть происходящее сзади.) К моему удивлению, ласточка очень долго смотрела на меня. «Рад познакомиться! Я буду часто приходить к твоему берегу», — захотелось мне сказать, но она уже скрылась.

Спустя несколько секунд ласточка проворно выпорхнула наружу и затерялась среди своих «односельчан», совершая еще один виток в бесконечной круговерти...

В середине августа ласточки покинут этот берег, как и другие места, обжитые ими в наших краях. Мой путь опять пройдет около берега. Но другие чувства овладеют мною: берег будет зиять пустыми глазницами оставленных ласточками гнезд. Грустно станет смотреть на него, как на «слепые» дома-калеки в заброшенной деревне.

Тема с вариациями

*И коршуны будут собираться
один к другому.*

(Ис. 34, 15)

В местах, где случается пахота или косовица, нередко собирается по несколько коршунов: здесь им легче отыскивать пищу.

Как-то прекрасным июньским днем я отдыхал на лугу возле реки. Начался сенокос. Не замедлили появиться и коршуны.

Наблюдая за их неспешным парением, обласканный солнцем и приятно оглушенный гудением шмелей, я предался благодатным ощущениям, которые мало-помалу полностью овладели мною. Тем временем легкие серебристые облачка медленно двигались по ясному небосклону. Хороша эта неспешность в тебе самом и в окружающей природе!

Приятно было внимать и пряной горчинке тысячелистника, и медовому запаху таволги, который время от времени приносил из низинки робкий ветерок, и ненавязчивым ароматам других трав. Кротко голубело небо, покорно ложились на землю подкошенные травы. А коршуны всё кружили и кружили.

На верхушке цветущего конского щавеля попеваля свою негромкую песенку дубровник. Красиво сочеталась нежная неброская зелень цветов щавеля с насыщенной желтизной оперения дубровника. «Хили-тили, хили-тили...» — струилась в разогретом воздухе мелодия дубровника. Легкие стрекозы шевелили стебельки созревающих луговых злаков. А коршуны всё кружили и кружили...

Солнце добралось до зенита. Все осязатее становилось запахом скошенной травы. Более задумчивыми, чем раньше, казались склоненные над рекой ракиты. А коршуны всё кружили и кружили...

Лиственница и дудник

*...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*
Н. А. Заболоцкий

Эта молодая лиственница стала украшением окрестностей нашего дома. Я не раз приходил любоваться ею в начале лета. Пушистая, со светло-зелеными молодыми побегами, лиственница не могла не радовать взор. Голубовато-белый крап хвоинок придавал законченность ее убранству. Вспоминались картины импрессионистов.

Со временем среди лиственничных ветвей обнаружилась иная жизнь: рядом со стволем дерева взмошел дудник. Нужно заставила дудник уже в середине роста переходить из вертикали в горизонталь. Угнетенный, он с трудом пробился сквозь нижнюю лиственничную ветвь и, сплетаясь с нею в мучительных объятьях, выбросил зонтики своих мелких цветов. Лихорадочно белели они в полумраке древесных ветвей...

Красота лиственницы пленяла уже меньше, и было ясно: принося кому-то страдания, мы меркнем и внешней своей красотой. Портрет Дориана Грея — вот уместный здесь символ.

В споре жизни и смерти

Деревья умирают стоя. А этой березе уготована иная судьба. Выросшая на краю овражка глубиной в человеческий рост, она упала при очередном обвале земли шесть лет назад. Но корни остались в почве. Перекинувшись стволом через овражек, береза по-прежнему живет, опустив в яму свои ветви.

При основании ствола вольно растет трава. Но семян под лежащей березой нет: она не плодоносит, несмотря на зрелый возраст.

Любители березовых веников щадят лежащую, хотя тропинка проходит прямо через ее вершину. Самый же верх продолжает зеленеть в почвенном углублении.

В ветреную погоду окружающий лес многозвучен. Но здесь, в овражке, всегда царит скорбная тишина.

Возвращайся, дятел!

Ласковый вечер принес отдохновение от жаркого июльского дня. Над городом небольшими стаями тянулись на ночле усталые галки. Наступила тишина, когда каждый звук — событие. Хотелось только слушать.

Вот с восторженным визгом над крышей дома пронеслась стайка стрижей, за ней — другая. И опять та же благодатная тишина.

Но вдруг нечто совсем неожиданное! Недалеко от меня, в нашем огороде, кто-то смелым и даже дерзким голосом прокричал: «Кик-кик-кик...» С невесть откуда взявшейся энергией вскидываю голову в сторону нарушителя тишины. Ба! Дятел осматривается по сторонам, усевшись на верху четырехметрового обломка вяза, у которого десять лет назад было повреждено бурей больше половины ствола.

Долго не мешкая, возмутитель спокойствия перелетел на свободную от коры часть ствола (в полуметре от вершины), проворно вскарабкался и юркнул в аккуратное, почти круглое отверстие. Движения были уверенными: так возвращается в свое жилище хозяин.

Будто замороженный вязом-истуканом, я долго не мог оторвать взгляда от дупла. Вот из него высунулась белощекая

головка, — а в ней столько детскости! Любопытные черные глаза осматривают всё окружающее. Зрелище оказалось настолько трогательным, что для вящей нежности к птице я представил себе запеленатого ребенка, в глазах которого лучится внимание к новому для него миру.

Голова в отверстии дупла неспешно повернулась из стороны в сторону и застыла. Была половина одиннадцатого. Предметы уже не витийствовали своими цветами. Было видно, как затухали глаза у дятла. Сон сморил утомленную птицу, и моим наблюдениям пришел конец.

Настало время анализировать увиденное. Не трудно было определить вид и пол птицы, поселившейся в нашем огороде, — самочка большого пестрого дятла. Удивляло, что свое жилище она устроила в центре города.

Ранним утром я устремился к вязу. Но, увы, опоздал. Было ясно, что птица уже улетела: на верху обломка вяза сидели и тараторили два воробья.

Вечером я с невыразимым интересом ждал свидания с дятлом, и оно состоялось, как и в последующие четыре дня. Самочка всегда прилетала в один и тот же час, с отклонением от урочного времени не более десяти минут. В те дни я шутил, что после знакомства с дятлом не страшно потерять часы.

Дятлом заинтересовались и мои родные и каждый день с неподдельным интересом спрашивали меня, прилетел ли он. Все мы стали относиться к нему, как к домочадцу.

Но вот настал день, когда дятел не прилетел. Попал ли он в когти ястреба или переселился в другое жилище — неизвестно. Но я долго не расставался с грустью, испытываемой при разлуке с любимыми членами семьи.

Стрижи и голуби

Луна и солнце — кто не видел одновременно эти светила. Но не всё, что живет солнцем, сочетается с луной. Вот и стрижи на фоне месяца беспокоят меня сейчас: будто печаль разносится их крыльями, хотя сияет еще солнце, и его восхваляют стрижи...

В этой же выси плещут крылами белые голуби. Радостным гимном жизни кажется их вдохновенный полет. А ищущий символов увидит и темного голубя среди белых...

Стрижи и голуби — разве могут печалить они? Во всем, во всем привкус горечи — такой уместен ответ, — каждое дыхание дышит ею. Но будут славить солнце стрижи, и будут рвать в выси белые голуби.

На полшага от страха

Прохожу мимо кострища, хорошо заметного в скошенной траве. Чуть поодаль, под березами, опять сереет зола. Возле наполовину вывороченного березового пня порхает червонец огненный. Вспыхивают в пожухлой траве оранжево-красные крылья этой бабочки. Немилосердно калит солнце. И где-то в вышине тревожно, впопыхах названивает свою песню щегол.

Секрет воробьиного царства

Массовый переезд селян в городскую местность в нашем городке — Яранске — привел к преобладанию переселенцев над коренными яраничами.

Наблюдательные селяне сразу же заметили, что воробьи около их городских домов не похожи на тех, которых они видели на своей родине. И это немудрено: полевые (или деревенские) воробьи немало отличаются от домовых (или городских) — и красивой коричневой «шапочкой» на голове, и более опрятной внешностью.

Но не это удивило новых горожан. Удивляться они стали через несколько лет, когда домовые воробьи совсем исчезли, оставив среду своего обитания полевым. Словно вместе с людьми переселились и птицы. Одно непонятно: куда же подевались городские воробьи?

Узнав об этой перемене в орнитофауне нашего городка, задаю себе вопрос: не слишком ли я увлекался О. Мандельштамом, который сказал, что «от нас природа отступила так, как будто мы ей не нужны...»?

«В поте лица своего»

Июль рассыпал свое многоцветье. Обилие красок, обилие пыльцы и нектара. Страда для пчел и шмелей, страда для всех, кто живет от природы. Но не везде «полная чаша». Сколько цветов посетит иная пчела, чтобы найти «необобранный»!

Бесполезные полеты куда накладнее тяжелым шмелям. Наверстывая упущенное, летают они и вечером, когда цветы закрываются. Видел, как шмель протискивался в закрытый венчик мальвы: четыре сантиметра трудного пути; обратно — гораздо сложнее; затем — виртуозный взлет. И всё это бывает напрасным...

Труд и томление духа — как часто они неразлучны!

Искушение временем

Начало августа. Вовсю метелит тополиным пухом — второй раз за нынешнее лето. Необычная жара стояла в июле, и как ее результат — еще один «урожай» с тополей.

Нас поражало обилие пуха. Повсюду летели крупные хлопья, сплошным ковром покрывали землю, массой врывались в открытые окна, мельтешили в трамвайных салонах. «Египетской казнью» казалось всё это. «Почему снова пух?» — вопрошали друг друга усталые люди. Но надоевшее действие всё продолжалось.

Пух был белее, чем раньше, снегом смотрясь на пожухлой траве. И чудилось тесным текущее время. Настоящее цеплялось за будущее, тянуло к себе его звенья. Зримо вилась временная спираль. Мутило тоской от ее повторов, и неоглядность времен была приговором.

Не стало стрижей

Как вереница отлетных птиц — череда августовских дней.

Тревожное чеканье камышевки звучало с утра у нашего дома. А после обеда я обнаружил пропажу: не стало стрижей. Не знаю, когда они улетели, — ясно одно, что их нет, и за окном словно могильная тишина.

Не говорите мне о продолжении лета — никто не воспоет ему радостный гимн: не стало стрижей и прочих птиц почти не услышишь... Сытое, тупое молчание — не всем угодно такое «блаженство».

Не шевельнутся понурые листья, полынной горечью наполнен воздух, мутная мгла застилает небо — впору терять и последние надежды.

Не говорите мне о прелестях лета, потому что не стало стрижей.

Поговорим о потерях

Летняя погода — заметно изменилась она за последние годы: стало много жарче. Дожди, выпадавшие в нынешнем июле, спасли живое от засухи. Но стало ли прибытком летнее потепление? Поговорим лишь о нынешних потерях.

Гораздо раньше улетели стрижи. Как будто нехотя зацвели липы: еще в начале августа были нераспустившиеся бутоны — липы словно болели, медового липового духа было почти не слышать...

Всякое прибавление оборачивается потерей — потерей чего-то другого: таков закон дольного мира. Приобретение только в одном — в очищении человеческих душ; истинное благоухание — от очищенной души.

Полынь и повой

Ту полынь нельзя было не отличить: крупные белые цветы красовались на ней. Одного беглого взгляда хватило, чтобы определить: обладателем цветов был родственник вьюнка — повой. Это он обвился вокруг полыни и, гордый, зацвел. Как будто и полынь гордилась украшением. Но нелепо смотрелось оно — как балетное платье на цапле...

Аллюзия становилась все очевиднее: две гордости являли собой растения — полынь и повой. В духовном смысле они смердили. Не лучший из пустырей стал местом их жизни. И хочется верить, что это — символ.

И смертный жребий — и он справедливость

Дни августа уже сочтены. А золотая розга лишь зацветает. Нельзя не заметить желтых соцветий — полно суетой собирание нектара. Назовем его золотой лихорадкой. На паре соцветий аж пять насекомых, среди которых сусветная муха. Но только пчел не видно, не слышно. Одна все же нашлась на асфальте. Едва-едва она ковыляла: то двигалась в никуда, а то кружилась бесцельно. Но вот она уже без движения. Тут дунул я на «угасающую лампаду». Пчела пошевелилась немного и вновь замерла. Вместе с летом она умирала. Легко взгляни на ее угасание: своевременно умереть — это тоже награда.

А «лихорадка» все продолжалась. Было тут обещание блаженства. Но будущая трагедия уже назревала. «Осени мертвой цветы запоздалые» — вот метафора близкой развязки.

КОНТРАСТЕН МИР И ПОЛОН ДИССОНАНСОВ

Одна очевидная параллель

Чуть не жалость берет от вида высоких рябин, отягченных множеством гроздей, — урожай нынче рекордный. Никнут изможденные ветви: обильное материнство — тяжелое испытание. Да и солнце пол-лета калило: временами казалось, что оно свирепеет. Иные грозди заалели уже в июле, обещая осенней поэме тьму киноварных заставок. «Но высокую красоту надо выстрадать», — говорят перегруженные рябины, будто их тяготят не плоды, а заботы. Впрочем, помогут дрозды да еще свиристели, но это уже в сентябре.

Много легче рябинам, что юны, у которых мало плодов. Шелестят беззаботно их кудрявые листья. Легкое дыхание юности — это, конечно, закон.

Дубонос

Чуден клюв дубоноса, почти равный по величине голове этой птицы. А вот хвост дубоноса несколько маловат: видно, очень много «строительного материала» ушло на необычайный клюв, придающий его владельцу не менее внушительности, чем у стрельца с бердышом, охраняющего вход в царские палаты.

Артистизм каменки

Еще только начнут тихо бренчать на березах желтенькие мониста, а уж готовятся к осеннему перелету наши каменки. В такие дни нет-нет да и вспомнишь об этих забавных птичках-плясунях.

Их «пляски впрыска» одновременно смешат и удивляют: столько усердия и выразительности вкладывает каменка в каждое движение. Конечно, приседания каменки, как и темпераментные потряхивания хвостом, — всего лишь признаки возбуждения. Но всякий раз, любуясь в такой момент каменной, я утверждаю, что она пляшет.

Подобные пляски быстро всплывают в моей памяти, когда осенью встречаю каменок на зяби, прогуливаясь вдоль ее окраинки. Некоторые из них при моем приближении забираются на высокие комья земли, вытягиваются, как будто встают на цыпочки, чтобы ничего важного не упустить из виду. А я, зная, что не увижу больше каменок до будущей весны, шепчу вполголоса умоляюще слова песни: «Семеновна! Семеновна! А ну, давай, пляши!..»

Лягушка и... страус

В сентябре в наших краях не редки погожие дни, когда припекает солнце и становятся активными бабочки, стрекозы и прочие насекомые.

В такое именно время я и подошел к роднику, чтобы освежиться глотком-другим воды.

Ключевая вода выливалась в деревянную, с небольшим наклоном, колоду с отверстием внизу. (Это приспособление используют для полоскания белья.)

Маленький ручеек струился через щель в колоде, и в нем нежилась небольшая лягушка. В самой же колоде, противостоя сильному потоку, находилась вторая.

«Ага, — подумал я, — половив комаров да мошек, отдыхают от трудов праведных».

Одна лягушка, увидев меня, скрылась невесть куда. А другая решила спрятаться в той самой щели — между двумя досками. Но сумела проникнуть в убежище лишь головой да передними лапками и замерла, заключив, видно, что этого вполне достаточно.

Не одинок, стало быть, страус в своем известном заблуждении.

Белое и черное

Был один из осенних дней, когда пролетные стаи птиц, опустившись для отдыха в каком-нибудь уголке, устраивают

«базары». У любителей наблюдать за пернатыми в такое время просто голова идет кругом.

Однажды после посещения «базара» я совершил удивительные ошибки. Парящих в поднебесье чаек принял, с первого взгляда, за стрижей. А глядя против невысокого солнца на низко кружащихся над дальним полем ворон, подумал вначале, что это чайки: так сильно блестели на солнце их черные крылья.

Недолго меня одолевало смущение, вспомнились строки Алексея Решетова: «Вечно мы белое путаем с черным, будто и разницы нет».

Лед и пламень

Начало нынешнего сезона снегирей пришлось на «бабье лето». Ну а раз лето — то были и бабочки, были и птичьи песни: это не улетевшие еще пеночки-теньковки высвистывали свой восторг по поводу пришедших теплых деньков, давая всем своим поклонникам прощальный концерт.

Странно было слышать голоса снегирей, которых мы привыкли встречать по первому снегу. Да и сами снегири, пролетая около рябин, огруженных созревшими плодами, и точно их не замечая, чувствовали себя не в своей тарелке: как люди, которые спешили на тризну, а оказались на свадьбе — и теперь не знают, что им делать.

Одним словом, картина представилась очень уж противоречивой, и на ум приходили пушкинские слова: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...»

Ромашки

На Симеона-летопроводца приналег ветер с полуночи. Мелкой дрожью задрожали лепестки молодых ромашек: попробуй согреться в платье балерины. А ветер посвистывал, похохатывал, словно спрашивая у каждой: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?»

Ромашки же постарше, что с опущенными лепестками, стояли, будто в горностаевых шубках, и с укоризной глядели на легкомысленную молодежь.

У каждого свой след

Подходя к небольшому озеру, осиянному расщедрившимся вдруг осенним солнцем, и взглянув на водную гладь, я заметил сначала сверкающую светоносную полосу, которая как будто сама по себе тянулась и делала повороты. А когда увидел ее источник — плывущую морскую чернеть, — то мне захотелось связать этот след с самим существом утки.

Рядом оказалась и другая гостья с далекого Севера — тоже пролетная морская чернеть. Утки не умчались при моем приближении, подобно каким-нибудь криквам или чиркам, а даже с любопытством отнеслись ко мне. Одна из чернетей, слегка наклонив вниз свой серый, с белым основанием клюв, осторожно поплыла в мою сторону. Однако вскоре повернула обратно, словно что-то вспомнила. И тут обе утки стали раз за разом суматошно нырять, оставляя пузыри на поверхности воды. Как только в очередной раз показывалась коричневая голова той или иной вынырывающей утки, я видел глаза, полные испуга и разочарования. Погружаясь в студеной воду, утки словно хотели освободиться от кошмарного видения, каким для многих живых существ стала наша цивилизация, не оставляющая за собой сверкающего следа.

Ранний зазимок

Как дивно стрекотали кузнечики нынешним «бабьим летом» — всего две недели назад. А теперь белым-бело, и день-деньской десятиградусный мороз. Что ж поделаешь: по-разбойничьи ворвался снежный вихрь — нежданно-негаданно, как когда-то врывались в селения мирных людей воинственные кочевники. Дохнуло стужей, и вот уже зимнее иго.

Молодые тополя на нашей улице, еще не успевшие облететь, разделись разом, словно боясь потревожить зимний покой шелестом своих листьев. Многие из этих листьев еще только начали браться желтизной, и теперь, почти зеленые, они лежат на ослепительно белом снегу.

«Где я, что же со мной приключилось? Такой яркой зелени я не видел и летом. Да и желтые листья чудо как хороши! Неужели встретились три времени года: зима, осень и лето?» — «Нет, это осень-данница рассталась с последним своим богатством», — убеждает стайка позвенькивающих на ясене щеглов, которые не изменились, несмотря на каприз природы.

Связист

Предзимье. Над отдыхающим полем проносятся вольные студеные ветры. Поют и поют свою задумчивую монотонную песню телеграфные провода.

Вот на одном из столбов показался «военный связист». Его статную фигуру хорошо облегает куртка защитного цвета. На серой шапке светится большая красная кокарда. Надежны четыре пары крепких когтей. Догадываетесь? — Конечно, это он, седой дятел.

Сегодня он очень добычлив: в щелях столбов зазимовало немало насекомых. Обследовав одну пару столбов, он отправляется к следующей, словно продвигаясь по аллее, где в суматохе осени деревья растеряли не только все свои листья, но и ветви.

Чайки и снег

Всю предшествующую неделю дули пронизывающие ветры. Под шум дождей и дождичков ушла золотая осень. Дохнуло стужей, и вот уже — совсем не ко времени — пороша.

В пасмурный октябрьский день, возвращаясь из леса, бреду по зяби. Земля наполовину покрыта снегом. Но, видно, этого мало: снегопад продолжается.

Надо мной пролетает полдюжины чаек. И тут — неожиданно, как подарок судьбы, — приходит хорошее настроение. Гляжу на этих улетающих степенных птиц. В моей голове отбивается такт, а затем звучит давно забытая песня, популярная в начале семидесятых: «Выпал белый снег из крыла — бела перышка...»

На ком шапка горит

Карминно-красная «шапочка» на темени чечетки, подсвечиваемая победным мартовским солнцем, удивительно похожа на маленький огонек.

Так, значит, не только на воре шапка горит.

Сшиты из бересты

«Ки-ки-ки-ки...» — отрывисто зачастил кто-то в заснеженном логу голосом, похожим на вертишейкин. А через несколько секунд поблизости от меня — на невысокой осине — очутился малый дятел с красным пятном на макушке. Мгновение, и полуметром выше — еще один такой же, но с плешинкой вместо красного пятна. Вот тебе раз: самец и самочка вместе в начале зимы!

Смотрю-смотрю да вдруг нахожу, что осина с дятлом начинает мне казаться другим деревом... Точно так: она — словно березка. А костюмы дятлов с бело-черными поперечными полосами будто сшиты из бересты.

Досада

Вид насыпанных в кормушку семечек действовал на синиц завораживающе. Они беспрерывно перепархивали с ветки на ветку в кроне невысокой ольхи, на которой была вывешена кормушка. Время от времени каждая вытягивала шею, смешно поворачивала голову, глядя на семечки то одним, то другим глазом-бусинкой.

Но рядом с кормушкой стоял я, и лишь самые отважные синицы прыгали изредка на край качающейся от ветра столовой, стремительно хватали корм и улепетывали в соседние заросли тальника. Были среди них и такие, что, перед тем как улететь с семечком в клюве, задерживались на соседней присаде, чтобы мельком посмотреть на меня, интересуясь впечатлением от их смелости.

Совсем другой норов показала одна из трусливых синиц. Попрыгав вокруг да около, она раздраженно «пинькнула» и полетела в сторону косогора, заросшего полынью, на одном из стеблей которой кормилась чечетка. С ней-то и затеяла драку раздосадованная синица, чем напомнила слова баснописца: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Синица на новогодней елке

«Откуда взялось новое дерево на территории, хорошо мне знакомой, и почему на нем вспыхивают пугающие огоньки?» Вопросы эти читались в движениях синицы, оказавшейся на уличной новогодней елке. Место было бойким: мимо елки спе-

шили люди, поблизости проносились трамваи, грохотала «музыка».

То и дело вытягивая шею, синица осторожно перебиралась с ветки на ветку в поисках зазимовавших насекомых, опасливо поглядывая на раскачиваемые ветром елочные украшения. Впрочем, и сама синица казалась украшением елки, будто специально прилетела, чтобы скрасить недостаток ее убранства.

С трудом верилось, что елка эта, которую посетила синица, отделена от корней, что она неживая. Но дерево было мертво, и уже было не важно, сколько на нем осталось зимовать вредителей. Этой елке синица была больше не нужна, как умершему — деньги и оружие, которые клали в могилу в языческие времена.

В известной мере язычниками являемся и мы сами, пьянствуя у новогодней елки и забывая о том, что душа каждого должна быть подобна ясному небосклону, на котором в урочный час зажигается Вифлеемская звезда.

Мороз не на шутку

Опустился трескучий мороз. Выведрило, и наступило безветрие. Во всем скованность и оцепенение. Твердеющим настом вымощены рассыпчатые снега. Все лозы, ветви, стебли неподвижны — словно боятся потерять последние жизненные силы.

Совсем не похожи на себя синицы. Куда подевалось их неумное желание шнырять в поисках скудного пропитания? Застыв, где пришлось, они очумело смотрят в никуда, время от времени слегка переваливаясь с боку на бок, чтобы поочередно согреть в перьях живота одну лапку, в то время как другая служит единственной опорой.

Держитесь, милые! Мороз не шутит.

Снегирь разочарован

Говорливый ручей, протекающий в пригородном логу, сковало льдом только к Святкам. Теперь его лопотанье едва слышно сквозь ледяную корку. Но мороз все крепчает, и уже злоеще затуманивает. Не шелохнется ни одна веточка, ни одна былинка: они словно прислушиваются, не зашумит ли вдали теплый ветер.

Весь ноябрь и декабрь к ручью прилетали на водопой снегири — на то место, где низко склонились прутья тальника. А во время ростепелей снегири и купались.

Вот и сейчас к ручью примчался красногрудый красавец, с белым, будто заиндевелым, предхвостьем. Походил разочарованно по полупрозрачному льду, посмотрел, как под ним бежит вода, и подовольствовался лишь береговым снежком.

Что ж поделаешь: зима норовит укрывать да припрятывать.

Падает снег

К обеду начинается снегопад, застающий меня дома. Подхожу к окну, присматриваюсь к полету снежинок, точно впервые. А они летят и летят, выписывая замысловатые линии, будто уклоняясь от столкновения друг с другом, стремятся вниз, чтобы «прироиться» к земле. Некоторые подлетают к окну, как это делают ночные бабочки, когда комната освещена, кажутся зрячими, наполняют воздух бесшумной многоголосой речью.

Но вот замечаю, что падающие снежинки, каждая из которых чистейшей белизны, видятся на фоне неба темными. И это неудивительно: ведь в сравнении с солнцем, даже укутанным облаками, темна любая земная белизна, как темно само это светило в сравнении с его Творцом — источником высшего негасимого света.

Рождественские морозы

Ударили рождественские морозы. Попрытались воробьи. На закуржевелых деревьях нахохлились вороны и сороки. Снег просто визжит под ногами. Блекло светит сквозь морозное марево солнце.

А вот посмотрите, посмотрите: на «висках» синиц налет иней.

Синица и соловей

Люблю, несказанно люблю первую весеннюю песню синицы — задорную, залихватскую, волнующую. Хотя песня эта — всего лишь незатейливые однообразные насвисты. Но

сколько первостатейных впечатлений приносят они — особенно в солнечный, с легким морозцем, день: все предметы тогда засияют вдруг, точно в алмазной разгранке. И вот удивительно: будучи большим любителем соловьиного пения, порой получаю от первой синицыной песни большее удовольствие, чем от щелканий, раскатов и от всего того, чем славен хороший соловей. Но если поздней весной где-нибудь, поблизости друг от друга, одновременно запоют соловей и синица, то ее пение почти не привлечет мое внимание: оно померкнет, как меркнет утренняя звезда при восходе солнца. Но станет ли песня синицы из-за этого менее любимой? Отнюдь нет: ведь она была моим маленьким счастьем в суровые зимние дни.

Зимние колера

С обильными кистями плодов вступили в зиму рябины. Нельзя не порадоваться за снегирей, за всех наших рябиноедов. Но тревожные чувства вызывает богатство птиц. Как кровавые пятна, остатки плодов на земле под теми рябинами, где снегири пировали. Звучит, не смолкает скорбный мотив, и, словно растерзанные, стоят оцепенелые рябины.

Другие колера возобладали к весне, когда рассыпала свои плоды черемуха Маака. Этими деревьями со светло-коричневой блестящей корой озеленены улицы нашего города. Слово чернильные кляксы под черемухами: фиолетовые, они красиво легли на убранный синевой снег. Суется вьюрки и зеленушки, собирая под черемухами их горькие, не съедобные для человека плоды. И радостны птицы, хоть и соседствуют со спешащими мрачными пешеходами. Но — чу! В вышине раздалась веселая трель зеленушки.

Крапивница

«Как не ценим мы предоставляемые Провидением возможности!» — подумал я с горечью, глядя на порхавшую над мартовскими снегами крапивницу. Вот эта бабочка обязательно воспользуется каждым мало-мальски благоприятным для полета моментом. Что ей до отсутствия цветов и недостатка тепла: жизнь замечательна во всех ее проявлениях!

Предусмотрительная сорока

Как-то в начале апреля, наблюдая за чибисами с угора, вблизи деревни, я обратил внимание на пролетавшую с веткой в клюве сороку.

Заметив, что я преследую ее цепким «охотничьим» взглядом, сорока устремилась вокруг меня, как мчится по кругу волк, спасаясь от гончих. Но выронила ветку, не совершив полного оборота, и нырнула в сторону, не рискуя выдать место строящегося гнезда.

Воробьи и трясогузка

В конце апреля явился зазимок с гололедом и пронизывающим ветром.

В первый день похолодания у подъезда нашего дома кормился табунок воробьев — вероятно, семенами прошлогодних растений. Но вот неожиданность: в компанию воробьев затесалась белая трясогузка, надеясь на спасение среди новых товарищей. Робкая и будто бы озабоченная, она совсем не походила на обычно порывистых трясогузок, с десятков которых вчера на моих глазах гнались за ястребом, оглашая округу беспрерывным визгом. Питаясь вместе с воробьями, трясогузка едва перебирала своими обычно проворными ножками, не звучал ее задорный голос, замер подвижный хвост, словно от испуга.

Да, голод не тетка!

Черемуха

...и ночь яко день просветится.
(Пс. 138, 12)

Сколько света источает цветущая черемуха! А ведь совсем недавно, в безлистную свою пору, она была темна, как обугленная.

Как снегирь просчитался

На третий день цветения черемухи погода резко изменилась: начались черемуховые холода. Крыши домов и построек слегка припорошило снежком. Притаившимися белыми зайчатами кажутся снежные островки в траве.

На окраине города нежданно-негаданно появился снегирь. Наверное, вид снега подействовал на него, как звуки походной трубы, — и он, забыв о брачных делах, примчался сюда!

И вот он летает от одного дерева к другому, испуганно и печально посвистывает, не желая смириться со столь быстрым окончанием лета, ищет рябину с плодами, но, конечно же, не находит.

Всерьез и в шутку

В пространство над всполем, где чиби́сы совершали токовые полеты, вихрем ворвался ястреб и, не мешкая, погнался за одним из них. Но преследуемый, взмыв свечой, тут же охладил охотничий пыл хищника — и тот пристыженно удалился прочь. Да, славные летуны эти чиби́сы! Но это еще не всё.

Вспоминаю, как в середине апреля мне неоднократно доводилось наблюдать за небольшими группами летящих к югу чиби́сов. Не знаю, насколько понятно это орнитологам, однако уверен: почитатели творчества Лескова найдут объяснение запросто. Птицы эти, увлекшись полетом и набрав огромную скорость, оказались, подобно платовским коням из «Левши», дальше пункта назначения и потому предстали перед необходимостью «сдействовать» обратно.

Любовь побеждает страх

Та брачная пара шилохвостей повстречалась мне на зеркальце талой воды — между обрывом карьера и обрамляющим его высоким земляным валом.

Утки не позволили рассматривать себя, когда я обратил на них внимание, проходя около низкого места в вале на расстоянии нескольких метров от них. Испуганные шилохвосты взлетели разом, вытянув свои шеи, более длинные, чем у крякв. Пролетев всего пару сотен метров, они опустили в залитый внешней водой овражек.

Обратным путем я решил пройти близ овражка, рассчитывая на счастливую возможность рассмотреть уток хорошенько.

Место, выбранное шилохвостами на сей раз, было очень красивым. Несколько затопленных молодых ив, стоящих поверх воды в золотистых облачках цветов, представились моему взору.

Увидев меня, взлетел только красавец-самец. Но как странно! Он начал упорно кружить по-над овражком, пролетая невысоко и надо мною. Временами он сильно вскидывал голову вверх (за счет чего выгибалась его шея) и зычно выкрикивал одну и ту же коротенькую утиную фразу.

И мне казалось, что он настойчиво призывает подругу поскорее покинуть местность, приносящую столько страхов и тревог. Но самочка не взлетала. Что случилось с ней? Я начал разделять тревогу селезня и думать, что утка погибла.

Примерно десять минут метался селезень вокруг одного и того же места. Был момент, когда мне в голову пришла мысль, что, находясь бы сейчас здесь, моя сердобольная шестилетняя племянница, которую я часто брал с собой за город, назвала бы, наверное, белые полосы на коричневой голове селезня дорожками, проложенными его слезами...

Сочувствие птице возрастало, как будто селезень дотянулся своим длинным шилообразным хвостом до моего сердца.

Несколько раз он отлетал в сторону и вновь возвращался. И вот наконец-то, невесть откуда, вынырнула самочка. (В это время я отходил в сторону, считая уже самого себя виновником беспокойства птицы.) И когда она оказалась рядом со своим селезнем, птицы сразу же устремились в направлении сияющих на горизонте лесов.

А мне показалось, что теперь они летели ближе друг к другу.

Век живи — век учись

Оказывается, скворцы, песнь которых состоит из различных заимствований, всю свою жизнь учатся у других птиц не только пению.

Как-то в конце апреля мне довелось видеть двух скворцов, летящих в небольшой стае чибисов. Мало того что скворцы выдерживали взятый чибисами бешеный темп полета, они еще вместе с ними выполняли головокружительные повороты и прочие воздушные маневры.

Две точки зрения

Иногда, поднявшись на большую высоту, кулички-фифи стремительно летают над своей гнездовой территорией или в ее окрестностях, суматошно и громко кричат при этом, сто-

нут и даже жалуются, будто произошло какое-то необыкновенное досадное событие. Попробуй догадайся, что там случилось.

«Много шума из ничего», — скажет, наверное, один. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», — может возразить другой...

Крапива

Сурова крапива к любому, кто заходит в нее босыми ногами. Но та же молодая весенняя крапива, которой сдобрили щи, многим может показаться поистине нежной.

На крапиве кормятся гусеницы бабочек — крапивницы и адмирала. Если крапивницу можно увидеть даже летящей над снегом в солнечный мартовский день, то адмирал заблаговременно отправляется на зиму в теплые края. А ведь можно сказать, что они вышли из одного дома.

На пустыре

Весна. Стремясь покорить сердца тетерок, буянят на токовищах тетерева. Петушатся на луговинах самцы-турухтаны... А что же самочки: неужели лишь наблюдают? Разумеется, нет: весна всех переполняет чувствами. И, конечно, весной заслуживают особого внимания и невзрачные птички — даже те, которые, казалось бы, уже хорошо тебе известны.

Вот и сегодня, располагая несколькими минутами свободного времени, я заглянул на пустырь, заваленный обломками железобетонных плит и мусором: оттуда доносилась песня каменки.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы постичь интересную завязку. На пустыре образовался «любовный треугольник»: две самочки-каменки отчаянно соперничали, чтобы стать единственной и любимой того самого самца, который распевал услышанную мною немудрящую песню. Дело дошло до драки. Взлетая на полметра от земли, образуя вертящийся клубок, каменки потчевали друг друга и клювами, и крыльями, и чем придется. Мелькали их белые надхвостья и наполовину белые хвосты. Каждой сшибке предшествовала «перебранка», во время которой каменки угрожающе двигали своими хвостами.

Самец изредка подлетал к ним, будто бы поторапливая с выяснением отношений (вокруг дерущихся уже собирались зеваки-воробы), но вскоре вновь отправлялся для пения на вершину столба — чтобы не огорчать муз, служение которым не терпит суеты.

Послушайте лишь всё тех же стрижей

Четырнадцатого мая накатилась теплынь. Почетным караулом при ней — стрижи (так это и водится в середине мая). Орнитологи утверждают, что стрижи прилетают к нам изда- лека — аж из Южной Африки. Зов Родины — какая в нем мо- гучая сила!

Веселый стрижиный визг брал за живое. Но уже пятнад- цатого жажнули черемуховые холода, и легкокрылые оказа- лись не у дел: к чему летать при низких температурах? Злове- щий смертный оскал был ответом на радость стрижей: девять дней длились холода...

В мире нашем это не новость. Всякая красота под угрозой; полон мучений путь праведника; за любовь платят злобой. Но не говорите: почему? Не вопрошайте об этом великих. Послу- шайте лишь всё тех же стрижей. Сегодня, двадцать четверто- го, вновь звучат их радостные голоса. Вот только голосов слы- шится меньше...

Мудрый ворон

Время от времени живущие около нашего города вóроны залетают в поисках пищи и на его окраину. Но вот незадача: серые вóроны, не желая пускать воронов в «свои владенья», всякий раз настойчиво и яростно их атакуют — как в одиноч- ку, так и небольшими группами — уже на подступах к челове- ческому жилью.

Трудно приходится вóронам. Не потому ли один из них, встретившийся мне сегодня, пошел на хитрость? Подлетая к «пограничному рубежу», он начал каркать по-вороньи, а для вящей надежности еще и кричать по-галочки, как бы оглашая окрестности: свой, свой летит.

Мудрый ворон хорошо понимал, что «живя с волками, нуж- но и выть по-волчьи». Это и помогло ему подкузьмить крыла- тых разбойниц: ни одна из них не кинулась вóрону наперерез.

Да, как бы ни менялась жизнь, всегда будут правильны евангельские слова: «Бог питает их» (Лк. 12, 24), сказанные и о вóронах, и о прочих живых существах.

Грозовой ливень

Незабываемы впечатления, которые я получал в детстве от могучих грозowych ливней, приносивших лавину чувств — от страха, ледящего сердце, до безудержного восторга.

Почти всегда гроза приходила внезапно. Когда вершины деревьев, терзаемых ураганным ветром, начинали пригибаться к земле, словно под тяжестью нависших мрачных туч, а на небе, освещаемом молниями, появлялись — одна за другой — свирепые гримасы, я прятался дома, подальше от окон — на пороге полутемной прихожей.

Бабушка шептала: «Свят, свят, свят...» Тогда я уже знал от нее, что во время грозы на небо выезжает на огненной колеснице святой пророк Илия, исполняя свое предназначение.

Грохот, треск грома и ужасные отсветы достигали невероятной силы, будто готовилось что-то невиданное, а молнии должны были дотла сжечь всю землю.

Ливень хлестал кровлю бесчисленными «кнутами» — она стонала и гудела. Мириады градин отскакивали от нее с шумом, рассыпаясь возле дома.

От страха я закрывал глаза, но и сквозь веки они ощущали вспышки молний.

Ветви сирени стучали в стекло, и мне казалось, что сирень отчаянно просит укрыть ее под нашей крышей.

«Освечает-то как», — уже встревоженно говорила бабушка. А я твердил про себя только одно: «Скорей бы все это кончилось!»

Всему, разумеется, приходит конец. И вот все стихло.

С сильно бьющимся сердцем выбегаю на улицу. Гроза кончилась! Радость! Восторг! Веселая радуга!

Во всем околотке — лужи, лужи... И в каждую из них заглядывает улыбающееся солнце.

Ручьям и потокам нет конца. Земля облегченно дышит.

Напоенный волшебными ароматами воздух просто пьянит, особенно волнуя запахом тополя.

А это что? Черемуха, еще до грозы стоявшая в платье невесты, теперь в затрапезе. Но соловей поет еще лучше и звучнее. Ведь все последние дни он был безнадежно пьян от запаха черемуховых цветов.

Теперь уж редки такие грозы.

Игры с коростелем

Погожим майским деньком, проходя пойменным лугом реки Ярани, покрытым низкой еще травой, в основном, не выше щиколотки, я услышал крик коростеля, доносившийся с небольшого островка этого луга (в несколько квадратных метров), где крапива и другие сравнительно высокие растения образовали густые заросли.

Я еще ни разу не видел этого очень осторожного нелюдима. Какая-то интересная потаенная жизнь, о которой говорил голос коростеля, протекала рядом с нами, и луговые травы, казалось, участвовали в ней.

В недавнем прошлом я уже совершил две безуспешные попытки познакомиться с коростелем, и убедился, что для знакомства нужен особый случай. И вот теперь было ясно: час встречи настал. Радостная уверенность вселилась в мое сердце: увижу птицу — хотя бы летящей.

Недолго скрывался он в своих тесных владениях, когда я вторгся в его «пределы», и спустя несколько секунд... взлетел! Взору представилась рябенькая, кургузая, чуть больше дрозда, птица с вытянутой шеей, похожая на небольшую уточку. На высоту около метра поднялся коростель. Полет как будто нелегко давался ему. Пролетев немного, он исчез в небольшом редком леске из старых осокорей и ветел. Трава и кустарники надежно укрыли птицу.

Неширокая дорога проходила вдоль опушки леска. А сквозь него виднелась городская окраина: оттуда были слышны голоса людей.

Крик коростеля теперь уже смешивался с пением соловьев, щеглов и чечевиц. Чтобы попасть обратно на луг, ему нужно было обязательно пересечь дорогу. Нетрудно догадаться, что коростель, поднимающийся в воздух только в крайних случаях, совершит этот путь пешком.

Сев на корточки у края дороги и решив почему-то не затаиваться, я стал ждать. Спустя всего десять минут нелюдиец прокричал совсем близко. И вот среди придорожных одуванчиков показалась его диковинная голова.

Между нами было около десяти метров, а я был целиком открыт для его взгляда. Приняв меня поначалу за источник опасности, он поднял клюв вверх, маскируясь под стебли растений, как это делает выпь. Я же сидел, замерев, прижимая к глазам окуляры бинокля, который помогал мне видеть в тончайших деталях все происходящее. Спустя минуту, не обна-

ружив во мне ничего особенного, коростель стал осторожно выходить на дорогу.

Высокое солнце осветило завидного красавца. Радовали взгляд ярко-коричневые, со светлыми пестринами, перья в верхней части его оперения. Боковые стороны головы и шеи, окрашенные в голубовато-серый цвет, делали коростеля особенно нарядным. Ритм длинных поперечных линий по бокам туловища придавал законченность его убранству.

Держа свой клюв (похожий на куриный) прямо, коростель шел очень медленно — на длинных, широко расставленных пальцах, едва не прижимая к земле цевки. Своими движениями он напоминал кошку, подкрадывающуюся к добыче.

Передвигаться по открытой местности было ему непривычно, около двадцати секунд он пересекал узкую дорогу. А затем зашуршал в траве. Войдя в кураж, я вспугнул коростеля еще раз — и он снова улетел под тополя и ветлы.

Немного стыдясь своей развязности, я отправился восвояси — с чувством избранника, увидевшего тщательно скрываемое сокровище.

Яблоня и сирень

Как быстро отцветает яблоня: недолго носит она подвенечные одежды. От цветка к цветку торопятся пчелы, испивая короткий, отмеренный срок. Слепит глаза от обилия неумного цвета, но суетной кажется эта громкая красота.

Цветение сирени не так скоротечно. Торжественно, но спокойно возносятся ввысь ее султаны. Особые впечатления в сумерки, когда, причащаясь вечности, сирень слушает тишину. И впору думать, что цветы не умирают, а растворяются в сумеречном свете. Не так ли, исполненный мира, уходит в бессмертие человек?

Черныш

Нынешним перволетьем чаще обычного дуло «с мокрого угла» — дождь следовал за дождем. Травы цвели не в свое время. Квелыми выглядели яровые. На поле, упирающемся в окончность городского леса, хлеба были совсем плохи: землю избороздили водомоины, а невдалеке от опушки образовалась большая лужа.

Этот водоем и выбрали местом кормежки лесные кулики-черныши. Грустно было видеть среди хлебных стеблей длинноногих птиц, поскольку казалось, что хлебное поле превратилось в болото.

Проходя вдоль межи злополучного поля, я всполошил одного из чернышей. Бедняга, заботясь, очевидно, о птенцах, которые могли находиться где-то рядом, начал летать над мною, истошно крича. Опустился на одну из еловых веток, затем перелетел на другую, не прекращая крика и не сводя с меня глаз.

Вид длинноногой птицы на дереве изрядно позабавил меня. Вспоминалось: «Не в свои сани не садись». Но разве занял черныш не свое место? Конечно, нет. И для ответа на этот вопрос не нужно обращаться к справочникам, потому что для всех установлен «предел, которого не перейдут» (Пс. 103, 9).

Капустница

Бывает, увидишь, как бабочка-капустница, истово работая крылышками, вдруг устремится поперек Камы.

Нужно ли думать, что капустнице захотелось на другой берег? Лучше представить иное: эту белую бабочку порой тянет туда, где идут белые теплоходы, а над водой изящно летят белые чайки, — где она своя среди своих.

Три образа

Эту изрядно поломанную березу смерть почти победила. Всего лишь две ветви зеленеют нынешним летом. Одна из них бессильно прогнулась вниз, другая тянется к небу. Как будто и листья на двух этих ветвях по-разному себя проявляют. Изможденными кажутся они на прогнутой ветви. Жизнь, смерть и преддверие смерти — всё являет собой поломанная береза, и в сочетании этом видится полнота.

Шипы и розы

Зацветает шиповник. Но не все кусты свежи и благоуханны. На иных некая выморочность: листва бледна, видны и безлистные ветви. Прошлогодние пересохшие плоды зачем-то

остались на них. Давно забыты розы, украшавшие сухие ныне ветви. Но все так же опасны шипы: иные кусты словно ощерились ими. А красота — она, увы, скоротечна.

Знакомлюсь с кукушкой

Невелика премудрость подманить к себе кукующую кукушку, подражая ее голосу: в этом я уже не раз убеждался. Ревность кукующего самца (самки, как известно, никогда не кукуют) обычно настолько велика, что он, не задумываясь, летит на имитирующий голос — для выяснения отношений.

Так и сегодня пяти-семи моих неумелых «ку-ку» оказалось достаточно для привлечения неистового ревнивца. И вот уже, поместившись над моей головой, на вершине четырехметровой сухой ели, раздраженно кукуя, он вызывает на поединок пока что невидимого соперника. При этом, едва ли не с достоинством павлина, он распускает веером свой длинный хвост и косит на меня (застывшего для продолжения обмана) левым глазом. Но лишь по истечении двадцати секунд, обнаружив подвох, он снимается и улетает с шипяще-верещающим «ша-ша-ша...» Пытаюсь еще раз подкузьмить обманутого, но безуспешно.

Через час-другой я опять оказался под деревом с кукующей кукушкой и опять услышал уже знакомое, полное раздражения «ша-ша-ша...», изданное другим ревнивцем, пролетевшим над соперником на высоте около метра.

Лес оглашался непрерывным кукованием. Из-за любовного нетерпения некоторые «ку-ку» не выпевались, а стремительно выкрикивались. Но были и другие певцы. Песни лились вразмах, и игрались все новые кукушкины свадьбы.

Не счесть барашков у реки Ярани

До города было совсем недалеко: изредка доносились оттуда крики детворы. Здесь, на заболоченном заливном лугу реки Ярани, сосредоточилось множество птичьих «языков». Всюду слышались щебетанье, шелканье, свист, писк — самая разнообразная птичья молвь. Было полно и пространство над лугом: без усталости реяли стрижи, касатки, воронки, береговые ласточки. Дивен мир «легкокрылых»!

Здесь же тянули бекасы, сочетая обычный полет с пикирующим. Но чудным было то, что «блеяню» оперенных «барашков» вторили настоящие, нежнорунные, что паслись на подступах к бекасиному лугу. И думалось, что, вследствие соперничества, бекасы тщились токовать еще лучше, чтобы доказать свое первенство. И, видно, им казалось, что цель достигалась. «Так-так-так...» — звучали голоса бекасов, опускавшихся к своим бочажинкам. Дело сделано — теперь можно уходить.

Два образа

Была гроза. Звучали залпы грома. Под разбойничьи посвисты ветра истоиво кланялись земле травы. Темнел и темнел подгородный лес, начинающийся за небольшим полем. И уже чудилось, что это не лес, а подступившая к городу вражеская рать...

Теперь же все тихо. И льется на землю с лучами солнца мир, и люди полны благоволения, и кажется богатырской заставой тот же самый подгородный лес.

Смородинка

Иду вдоль края рощи и не могу наслушаться песни смородинки (славки садовой). Конечно, ее песня — одна из самых лучших.

День-деньской ведет в многоголосом птичьем хоре свою очень красивую партию смородинка, делая лишь небольшие передышки. Страсти в ее пении столько, что временами оно едва не переходит в неистовство. Без усталости поет смородинка, перепархивая с ветки на ветку, делая короткие перелеты. «Среди всех певцов — я самая лучшая», — торопится возвещать смородинка. Но слышит голоса других птиц, словно не соглашающихся с ней. И будто уже возмущается она: «Почему не прекращают пение, чтобы слушать меня одну?»

Нелепости

Белые ночи, неумная жара, изобилие тополиного пуха. Тема неотвратимости и гнетущего рока — разве что это слышишь в его полете. Дорожки парка застланы пухом — казалось

бы, мягкое ложе, но пух жарко трещит под ногами. Полет времени, полет пуха — не слишком ли много движения? В воздухе, на траве, на ресницах любимой — всюду пух. Подобно снежинкам, он щекочет лицо, но жаром пышет его дыхание.

Лишь к полуночи забываешь о пухе. Полная, налитая, на небе вывешивается луна. И мучишь себя вопросом: кому нужен этот «светильник», когда ночь бела до утра? Нелепым начищенным блюдом кажется лунный диск. Но все же отбросим брюзжанье. Всякое творение хорошо. Проецируя на природу собственное несовершенство, мы можем пенять лишь на себя.

Тополь и шиповник

Мир — как большая симфония.
М. К. Чюрлёнис

Улетели в небытие лихие майские ветры. Обвешенный гроздьями пуха, говорливый тополь наш стих, замолчал. Иные хлопья просто валяются вниз. Не зная преград, летит пух поменьше — беспрерывно кружась, покрывает округу. Его неспешное движение вселяет в душу мир и покой.

Но в ярком «пламени» расцветший шиповник, и чуть тревожно становится на душе. Не может вспыхнуть пух от цветов, но эта мысль не очень-то утешает.

«Чистые» ощущения — нет и не было их. Полная контрастов и диссонансов, звучит, не смолкая, симфония жизни.

Чижи

Случилось это однажды во второй половине июня, когда музыкой любви и благоухания полон и лес, и дол, когда день длинен и сладкоголос. Но мир полон контрастов.

Приближалась гроза. Уже пробовал свои силы ее посланник — нахрапистый ветер. Улицы городка пустели. На одной из них, расположенной в полукилометре от его окраины, граничащей с лесом, не было ни души. Где-то испуганно мычала корова. Тревожно лепетали кусты. Как осиноый лист, дрожал хвост у поместившейся на заборе горихвостки.

Пользуясь тем, что улица была пуста, в придорожных одуванчиках «орудовали» чижи. Прижимая с лёту ногами к земле стебли созревших одуванчиков, они боком переступали к цветоложу и с исключительным проворством склевывали се-

мена. Спешка была необычайной: дождь мог начаться в любую секунду, и, может быть, где-то в лесу чижей с нетерпением ждали их едва оперившиеся птенцы.

Во всем виноват только ветер

Зацвел иван-чай, он же кипрей. Во многих местах поднялись его яркие султаны. Одно растение просунулось верхом сквозь сетку, устремившись обратно через другую ячейку, — словом, запуталось. Другие же — свободные — всюю обнимались с ветром. Недвижим был лишь запутавшийся кипрей. На него, спокойного, и села единственная тут пчела, точно подтверждая, что *есть* утешения для несчастных.

Но с помощью ветра «несчастный» уже отцепился, а через минуту опять прицепился к забору. Так повторилось два раза. Пчела же трудилась и на других султанах.

Теперь он свободен. Однако, увлекаемый ветром, опять шарит султаном по сетке, словно вновь желает неволи. Но нет: во всем виноват только ветер, напоминающий о торжестве внешних сил. Одна, впрочем, святость неодолима.

Везде — откровения вечности

Расставшись с пухом, тополь под нашим окном вдруг пошел на свет; как будто веселее лопочут теперь его листья. Не так ли светлеют к старости иные родители, «поставив на ноги» своих детей.

А у цветущего иван-чая пока время любви. Молодцевато высятся в траве его пурпурно-розовые султаны. Но вскоре и он «распушится», только в воспоминаниях останутся цветы.

Беспрерывно меняются поколения, и в этом глубокий смысл. Все убеждает нас в кратковременности каждой жизни. Прощесть, чтобы умереть, и умереть, чтобы возродиться в новом цветении, — вот труднодостижимый и одновременно простой закон.

Легко ли быть царем птиц?

Летающего сарыча, коршуна, мохноногого канюка и других ястребиных, претендующих в нашей местности — из-за отсутствия орлов — на роль царя птиц, часто можно увидеть в сопровождении серых ворон, которые отличаются необыкновенной прилипчивостью к хищникам.

Приставая к хищнику, ворона обычно глухо каркает, что говорит об известном страхе серой разбойницы. Но разбойничий нрав оказывается сильнее, и ворона старается взлететь над хищником, чтобы обрушить свой клюв на его спину. От такой неприятности хищник легко уходит, взмывая по параболе, а затем совершает упреждающий рывок в сторону навязчивой особы. Тут уже карканье вороны становится жалобным.

Такие стычки не мешают хищнику заниматься своим делом — величественно парить, выслеживая добычу.

Стремление ворон к преобладанию вполне очевидно: они не терпят тех, кого считают соперниками. Так и кружатся в поднебесье хищники с воронами, являя качества противоположные: достоинство и низость, спокойствие и суетливость, величие царственной особы и наглость презренного самозванца.

Иволга

Воспетая в песнях иволга на меня производит далеко не однозначное впечатление.

Видеть самца этой птицы, окрашенного в необыкновенно яркий желтый цвет, имеющего черные крылья и алые глаза, — наслаждение изрядное. И, конечно, иволга, владеющая таким красивым оперением, достойна флейтового голоса, силе и яркости которого нет примеров в нашей природе.

Вот вы услышали в лесу переливчатый крик иволги и вам посчастливилось увидеть на верху высокой березы эту почти сияющую желтизной птицу! Но вдруг до вас доносится безобразное ругательство, напоминающее вопль кошки, которой наступили на хвост. Это иволга, обнаружив, что за ней наблюдают, оповещает лес об опасности.

Многие родственники иволги населяют богатый контрастами африканский континент. И, наверное, можно сказать, что иволга представляет в наших краях Африку, где среди благоуханных экзотических растений можно нередко наткнуться на опасную колючку.

Чомга

«А чомгу ты видел?» — спросил я как-то своего товарища, желая больше узнать об этой птице. «Да где там: у ней ушки на макушке!» — ответил он, рассмеявшись, с намеком на осторожность чомги.

Перья на голове чомги действительно образуют «ушки». По ним-то я и узнал однажды эту прекрасную ныряльщицу, плавающую по широкой глади пригородного пруда.

Быстро сняв одежду и вооружась биноклем, я стал пробираться поближе к ней под прикрытием ивовых кустов и камышей, по суше и по воде.

«Ах, только бы ничего не помешало!» — взволнованно говорил про себя, предусмотрительно обходя растение с остерегающим названием «телорез» и стараясь не плескать водой. Но меня не понял взлетевший почти рядом чирок, который на всю округу объявил обо мне суматошной трескотней. «Прощай, чомга!» — уже сокрушенно подумал я, не отрывая от нее глаз.

Между нами было не более тридцати метров. Обнаружив меня, чомга вытянула и без того длинную шею и... поплыла в мою сторону. Преодолела треть дистанции и остановилась. Но, не придав, видно, моей персоне серьезного значения, стала крейсировать на небольшом отрезке, поворачиваясь ко мне всеми сторонами и пристально разглядывая меня.

«Кто же за кем наблюдает?» — проворчал я себе под нос, стоя по пояс в воде и стараясь показывать чомге из-за камышей меньшую часть своего тела. Но веселостью было подбито мое «ворчанье»: птица не могла не располагать к этому своим необыкновенным видом.

До чего же была хороша блестящая на солнце задняя часть ее головы — почти гнедой масти, если вспомнить о лошадях! А глядя на грациозную шею и острый клюв, убедительно отличающие чомгу от утки, любясь ее нарядным воротничком и чисто выбеленными щеками, я, кажется, начинал понимать ее... Да это же настоящая статс-дама!

Стоять полусогнувшись не было больше сил, и я распрямился. «Статс-дама» не стала бить крыльями по воде, подобно какой-нибудь струсившей отлетной утке, а надменно посмотрела на меня... и, не роняя достоинства, уплыла дальше в сопровождении своего «зеркального» отражения.

Тень на ясный день

Уж очень нагло вели себя те две озерные чайки, преследуя крачку с рыбкой в клюве. Видно, большая зависть разбирала чаек, которым не так часто попадается такая добыча. Перебранка над прудом привлекала большое внимание. Но, будучи более искусной и стремительной в полете, крачка быстро

оставила своих преследовательниц «с носом» — и те отвязались.

Конечно, не характерен для мирного сообщества водных птиц такой конфликт. Но еще менее — другой, возникший некоторое время спустя, когда на широкую гладь пруда выплывала чомга с птенцами: они уже не катались на спине матери (на что было забавно смотреть неделю-другую раньше), а двигались позади нее. Тут-то пролетавшая в стороне крачка вдруг изменила направление своего полета и устремилась в сторону чомгиного семейства (полагаю, что это была та самая — добычливая — крачка). Совершив круг над семейством, крачка стала пикировать на спокойную чомгу, проноситься над ее головой, взмывать и снова пикировать. Все это сопровождалось воинственными криками. Впору было вспомнить об атакованной коршуном белой лебеди из «Сказки о царе Салтане».

Птенцы стали жаться к матери, а сама чомга была настолько ошарашена и возмущена, что, приподнявшись над водой гоголем, взмахивала крыльями и проклинала крачку на своем языке. Ее острый клюв был нацелен на обидчицу: она была готова защищаться им, как шпагой. Получив решительный отпор, крачка улетела.

Между обычно мирными птицами подобные дразги только «бросают тень на ясный день».

Еще раз о коростеле

Солнце лишь только всходило, когда я направился по луговой тропинке к реке. Свой не очень длинный путь я проходил достаточно медленно, прислушиваясь к каждому шороху. После ночного покоя мой слух отверзался для звуков, как открываются в погожее время цветы.

По мере того как поднималось светило, загустевал туман, словно некое блюдо, готовящееся на огне. Под его покровом находились пока невидимые, обрызганные обильной росой цветы. Казалось, что они примеряли свои венчики, готовясь к приближающемуся спектаклю, в котором цветы вместе с птицами — главные действующие лица.

Поблизости кричал коростель и не желал униматься. «Вот бедалага, — подумал я. — Там, где ты бродишь, можно промокнуть до нитки!» Живо представил себе эту птицу, вообразив, как с ее оперенья стекают тоненькие ручейки, а на кончике

клюва дрожит большая капля, в которой отражается всё, что вокруг. И ведь такому «чистилищу» коростель подвергается почти каждое утро...

В тот день мне случилось проходить и по проселку, проложенному по закрайке ржаного поля. Моим вниманием опять завладел коростель: совсем близко издавал он свой скрип, прячась среди хлебных стеблей. Тут же присев на обочину дороги для отдыха, я вскоре увидел коростеля — точнее, его голову, которая медленно выплыла из укрытия, как месяц из-за тучи: будто дополнительный свет пролился на всё окружающее. Но вот он увидел меня — и исчез так быстро, как падает на землю подстреленная птица...

Два возраста вертишейки

У большинства видов птиц взрослые особи значительно привлекательнее невзрачных птенцов. Но эта закономерность не распространяется на вертишеек — птиц необыкновенных по ряду причин.

Окрашенные под цвет коры, что делает их малозаметными, вертишейки известны своим настойчивым весенним призывным криком «ти-ти-ти...», за что прозваны «тикунами».

Конечно, это имя звучит не так, как, скажем, пеночка, ласточка и т. п.: у вертишейки нет ни миловидности пеночек, ни привлекательности ласточек, и другого, за что мы особенно любим птиц; она скорее диковинна.

Вертишейка известна и своими змееподобными отпугивающими движениями головой, и шипением, когда подходишь к ее гнезду. Но даже если никогда не видел этого курьезного для пернатых действия, все равно заметишь большое сходство вертишейки со змеями (более очевидное, чем у других птиц). Нужно видеть, как она вытягивается на дереве вдоль какой-нибудь ветки. Достаточно при этом посмотреть на темные продольные полосы в верхней части ее оперенья, на шейный покров.

Таковы взрослые птицы. Совсем другое впечатление производят их птенцы. Лобастые слётыши вертишеек, забавно стрекочущие в кустах подлеска, как кузнечики, весьма милы. На них так же приятно смотреть (и слушать их голоса), как на первые проклюнувшиеся по весне листочки.

В дни излома лета на осень, когда во всех уголках природы незаметно погасают «детские» счастливые улыбки и на-

ступает обильное плодоношение, птенцы вертишеек становятся более похожими на взрослых птиц. Именно в эту пору преобладают заботы о вечном, не обходящие стороной и обыкновенные листья, которые изо всех сил «светят» осенью, ведь оставить о себе добрую память — то же, что шагнуть в вечность.

Первая встреча с адмиралом

На фоне прекрасных цветов хочется представлять себе эту бабочку. Но встреча наша состоялась на пустыре, поросшем сусветным быльем. «Смотрите, вот очень редкая бабочка — адмирал», — спешу поделиться своей радостью с прохожей. «Разве это не крапивница?» — услышал я в ответ. Обидно стало за адмирала, блиставшего и красными «лампасами», и эффектными светлыми пятнами на широких черно-коричневых крыльях. Но разве он один оказался непризнанным?!

Береза и ее соперницы

Давно уже замечено, что растущие под прикрытием берез ели могут со временем вытеснить своих «покровительниц», становясь выше и затеняя их. Однако не всегда березы обречены на гибель в соперничестве с хвойными деревьями. В этом я убедился на примере нашего пригородного бора.

Когда, окончив школу, я покидал родной городок, бору было уже около двадцати пяти лет. Вернувшись «на круги своя» через пятнадцать лет, на месте роскошного сосняка я обнаружил обыкновенный березняк с примесью сосны. Лес был озвучен шелестом березовых листьев; в кронах самых высоких деревьев кричали иволги, которых я здесь раньше никогда не слышал; целительный хвойный аромат терялся среди прочих запахов.

Конечно, красив был березняк и приятны были птичьи голоса. Но нежные слова о березах на ум не шли: ощущалась острая досада, что не вырубili березовую поросль и дали погибнуть единственному в окрестностях городка бору. Сухих же сосен не было видно: на их вырубку, стало быть, нашлись топоры.

Что же случилось с сосняком? Мой товарищ (бывший лесник) объяснил это не только затенением березами сосен, но и

«охлестыванием», как он выразился, сосновой хвоей березовыми ветвями.

Каждый, кто парился в бане березовыми вениками, знает, насколько хлестки березовые прутья. Береза же дружит с ветром, и с его помощью ее гибкие ветви могут оголить сосновые лапы.

Но не всякий бор бессилен перед наступлением берез, как не всегда предсказуем результат их противоборства с елями. Учтем и то, что мир полон других соперничающих сторон. Исход борьбы зависит от места, времени и многого другого.

Двойники

Сквозь кисею облаков кротко светило солнце. Рожь уже наливалась. Между ржаных стеблей застенчиво улыбались васильки. А на меже горделиво красовался цикорий. Голубые цветы этих растений казались похожими друг на друга. Но поэты предпочитают васильки. Слава же цикория — в его корнях, из которых изготавливают суррогатный кофе.

Во ржи были только васильки. Хотелось любоваться ими, а не красавцем-цикорием, вольно встававшим по краю поля.

Рожь вместе с васильками волновалась на ветру. И казалось, что где-то занималась музыка. Несколько тактов из знаменитых фортепьянных концертов Рахманинова и Чайковского — только этого жаждала душа в те минуты.

Васильки во ржи — вот пронзительный, щемящий душу образ России.

Ива и вейник

Оба эти растения поднялись вплотную с забором из крупной сетки-рабицы. Ничто не мешало расти иве: немногие кончики ее ветвей просунулись сквозь ячейки сетки, делая это словно из любопытства. Иначе с вейником — высоким знаком наших краев. Взойдя среди ветвей ивы, он был как будто бы обречен. Но началась борьба за жизнь. Едва окрепнув, вейник проник по ту сторону сетки и быстро вымахал в человеческий рост. Вольно тянулись к небу его широкие, в полтора дюйма, листья — герой и гигант одновременно. Впрочем, не то удивляло, а отсутствие у гиганта даже признаков метел-

ки, тогда как другие вейники, меньших размеров, уже вовсю колосились. Но стоит ли удивляться: забота о потомстве отнюдь не закон для великих.

Желтая акация

Крутояры, откосы холмов — всё обживает желтая акация. Не каждый кустарник удержится на круче, но у акации особая статья. Дугой изгибаются иные акации в своем стремлении к солнцу; теснятся стволы «дичиноного» цвета, образуя непролазную чащу. Сколько цветов желтеет весной в ее кудреватой листве! Полно восторга гудение пчел. В середине лета созревают стручки, звучит и звучит веселое потрескивание. Вместе со стрекотом кузнечиков это лучшее сопровождение июльской жары.

Вслед за семенами летят на землю половинки раскрытых стручков, скручиваются по спирали: у акации сильный характер. Облетевшие эти стручки хрустят под ногами, вторя потрескиванию на кустах, — переключка немолчных звуков. Желтая акация — совсем не скучный кустарник.

Осенней порой акация малоприметна. Ни золота, ни багрянца в ее листьях, словно хворью объаты они.

Бесцветная жалкая старость — как итог буйно прожитой жизни.

Контрасты и созвучия

Среди множества деревьев на лесной опушке нельзя было не заметить две ели со взаимопроникившими кронами. Одна из них была мертва, красиво полыхая огненно-рыжей своей хвоей, другая дышала свежестью, и нежная светлая зелень ее была бесподобна. Красота смерти и красота жизни были созвучны друг другу. И смерть питала жизнь, вдохновляя живое.

Рябина загуляла

*Где-то на поляне
Клен танцует пьяный.*

С. А. Есенин

Взатененном влажном месте нашего двора, посреди города, вдруг привился папоротник. Сверху над ним зеленеет мохом обращенный на север скат соседской крыши. Но необычное не

в одном только папоротнике. Растущая тут же рябина в середине июля зацвела в третий раз за нынешнее лето. Рядом с соцветиями — бурые невзрачные кисти завязей и зеленых еще плодов. Одним словом, рябина загуляла, и ее впору отправить к танцующему на неведомой поляне есенинскому клену.

Двухэтажный чеснок

Природа средней полосы России тоже очень щедра. Иные грибники похващаются тем, как с двух квадратных метров собирали по ведру грибов. Добавим к этому и ягодное изобилие некоторых лет. Сказанного вполне достаточно, чтобы вспомнить слова псалмопевца: «Возвеселил мя еси, Господи, в творении Твоем» (Пс. 91, 5).

Немало радостей и у огородников. Двухэтажный чеснок впервые получил на своем огороде мой дядя, опытный хозяин. В «бельэтаже» выросла крупная луковица, на «антресолях» — поменьше.

Нет большого без малого, как нет и малого без большого. Всё большое постигается в сравнении. Силою свыше приходит в мир и всякая мелочь.

После ливня

Грозовой ливень, со всеми его страхами и восторгами, позади. Дождевые тучи опустошены — бочки у водосливов полны всклянь.

Все заканчивается напористо-решительными порывами ветра. Зыблются высокие травы. Ветви молодых тополей простерлись в направлении, заданном ветром, и «плывут» в воздушных струях, как колышется в быстрой воде, отдаваясь неудержимому потоку, трава «косы русалок».

Испанское каприччио

«Угораздило же меня выйти из дома в такую жару», — сетовал я, двигаясь не спеша по просеке, когда солнце уже приближалось к зениту. Иссушенные зноем, ко мне тянулись безжизненные ветви елей. А ветки, лежащие на тропинке, трещали под ногами, как дрова в костре. Словно маленькие человечки

в низко надвинутых сомбреро, кое-где мелькали редкие в эту пору грибы. Так и шел я, побежденный унынием, пока просеке не пришло время кончаться. Невдалеке уже ярко светилось окно в «иные миры». Стали слышны серенады славки-смородинки — единственной в ту минуту поющей птицы.

И вот, пройдя лесным коридором, я вышел на арену поля... На золотистом жнивье покоились массивные тюки прессованного сена. Их бока лоснились на солнце, как у откормленных быков. Березы, собравшиеся на опушке, среди призаблекших трав, одержимо плескали листьями, как плещут ладонями зрители на корриде, предвкушая интересные поединки. Но донкихотское настроение не посетило меня, хотя бы потому, что высоко над полем одну из своих последних песен пел жаворонок. Внимая ему, я зашагал вползем в сторону дома. На встречном бугре горел костер цветущего иван-чая, словно подожгли сухое сено. Надо было видеть, как роскошно контрастировали эти цветы с желтоватым жнивьем, точно встретились два времени года — лето и осень.

Когда до бугра стало совсем близко, он вдруг заговорил голосами чеканов. Этих птиц здесь оказалось не меньше семи. Их дружное «чеканье» удивительно напоминало звучание кастаньет, будто приглашая посмотреть на зажигательный танец под открытым небом...

Миновав бугор, я обернулся, чтобы еще раз посмотреть на костер иван-чая: конечно, он не угасал. Глядя на него, я вспомнил о других растениях нашего края, среди которых есть и тысячеголов испанский.

Июльская зарисовка

Гнетущая жара: она будто давит на все живое. Крепких ее объятий не минует и человек. Тяжело и здесь, в лесистом краю.

Раз за разом начинает свою песню овсянка, но не может выпеть ее до конца — жарко!

Лишь в полночь вздыхаешь с облегчением. Ветра нет, зато струится нежный аромат: то благоухает ночная фиалка. Сладковатый этот запах наполняет ночь. На открытых местах появляются лягушки. (В предшествующий день был дождь, принесший облегчение и им.) Сосредоточенность читаешь в их глазах: они бесстрастны. Мягкие лягушачьи прыжки почти бесшумны. Лягушки показываются все чаще, а запах ночницы все густеет...

Приветствием утру стал иволгин крик — выпуклый, промытый голос. На лесной дорожке, в луже, обнаружились две лягушки, погруженные в воду наполовину и лежащие в ней, как крупные гальки. Лишь движения выдавали их. Начиная порой свою возню, лягушки были неспешны — они блаженствовали. Пред мордочкой одной из купальщиц надулся пузырь... Рядом с лягушиной четой было поистине интересно.

Когда приблизились двое прохожих, я пошел дальше. (Мое внимание к воде они не могли не заметить.) По обочинам дороги золотели володушки. В лучшей своей поре были луговые васильки: их распушённые розовые цветы виднелись на открытых местах.

Разойдясь с прохожими, не сводил с них глаз: посмотрят ли на лягушек? Нет, не посмотрели. Увы!

А день вступал в свои права. Разгоралось все то же пекло. От испарений земли мутило небо. Негромкий голос ворона доносился из ельника: ворон будто ворчал.

Очередная ночь стала уже томительной: плюс двадцать после тридцатиградусной дневной жары. Лихорадочно вздрагивали звезды, и было страшно за них — как бы не перегорели. В лицо мое впелилась бабочка. Другая вилась у светильника — вилась против часовой стрелки, что почему-то раздражало. Потревоженный кем-то, затрепал во мраке дрозд. Все наглухо накрыла духота...

В смещении светлого с тягостным — в этом и есть постоянство дней. Уже сама радость отдает горечью. Чистая радость — она не от мира сего.

Перед грозой

Конец июля. Раз за разом штурмуют землю затяжные ливни с грозой. Вот и сегодня вечером небо стало мрачнеть. Едва-едва виднеется солнце, никого не порадует его точно призрачный блеск. Грозовая темень и мрак ночи обещают слиться друг с другом.

Как будто больше стало стрижей. Надо видеть их необычный, головокружительный полет. Стрижи, конечно, не удивляют: всего с полмесяца осталось им до отлета, и даже перед грозой они продолжают охоту.

Но кто пояснит кружение чаек над крышей соседней многоэтажки? Не секрет, что в поисках пищи чайки летят порой к человеческому жилью. (Даже на городском газоне можешь

их повстречать.) Но цель сегодняшних чаек совсем непонятна. Около сорока этих птиц появилось вдруг именно с помрачением неба. И теперь стрижи и чайки в одном пространстве, но точно противоречат друг другу: черные и белые птицы.

В грозу, когда спорят противоположные начала, — разве не символичен этот контраст! Да и не только в грозу.

Природа полна разных символов. Знакомство с ней как чтение Книги Премудрости.

Откровения августа

Многому учит нас природа — она полна и эсхатологических образов: имеющий видеть да видит. Все говорит о непрочности человеческих радостей. Вслед за белыми ночами как быстро приходит «египетская мгла» — черные ночи августа. И падающие августовские звезды — как символ будущего низвержения мира. Но снова цветут астры, витает в воздухе духовитый яблочный аромат — и по-прежнему беспечен человек. А время безостановочно бежит, и падают, падают звезды...

Вороны и голуби

Когда-то раньше мне удалось наблюдать за тем, как на живные несколько ворон держалось в стае сизых голубей.

Наученные горьким опытом — атаками ястребов, голуби ведут себя за городом довольно-таки осторожно, совершая частые перелеты с места на место.

В той стае вороны не отставали от голубей. Вот если бы разбойничьи вороньи нравы смягчались от присутствия в таких компаниях! Во всяком случае, для нас, людей, звучит очень убедительно: «Со избранным избран будеши и со строптивым развратишися» (Пс. 17, 27).

Рябинники и вороны

И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе.

(Ис. 11, 7)

Нынче обильный урожай рябины, и рябинников великое множество. Сотни этих птиц летают за городом во всевозможных направлениях. То там, то здесь слышен их крик и трес-

котня. Временами они плотно рассаживаются на провода электролинии над убранными полями, образуя многометровые озвученные гирлянды, подчас бок о бок с воронами, с которыми рябинники так яростно воевали в гнездовой период.

Что ж, каждому времени свои нравы.

Отцы и дети

Сидевший на проводе электролинии щегленок что есть мочи щебетал, беспрестанно тряс крыльями, которые он то расправлял наполовину, то опускал. Конечно же, тем самым он просил у родителей корма.

А два взрослых щегла рядом с ним совершенно не обращали на него внимания. Видно, они хотели образумить своего ленивого отпрыска: ведь пищи кругом было хоть отбавляй, а время хлопотных забот о птенцах (был сентябрь) уже миновало. Надо же и старикам отдохнуть после суматошного лета.

Постояв несколько минут, я продолжил свой путь и увидел вскоре другого щегленка — на сей раз его кормила взрослая птица.

Ничего не попишешь: в каждой семье свои порядки.

Браво, Осипов!

Краеведческий музей моего родного городка Яранска обладает замечательным собранием птичьих чучел. На славу потрудился в предреволюционные годы местный краевед-подвижник Г. И. Осипов, приобретя чучела свыше восьмидесяти видов пернатых (по несколько штук на некоторые виды). Коллекция эта, представляя вятскую орнитофауну от воробья до полярной совы, является, безусловно, главным украшением музея. Ну а мы, неблагодарные земляки автора коллекции, знаем сейчас так мало о нем. Увы!

Для нас посещение музея было в детские годы одним из самых любимых развлечений (благо вход был бесплатным). Приходя в музей, мы подолгу стояли возле витрин, с которых на нас смотрели горделивые косачи-тетерева, сутулые цапли, горбоносые кроншнепы, хлопотливая кряква вместе со своим выводком, диковинная сизоворонка, настороженный перепел, длинноногий журавль...

Уже взрослым я стал проявлять к птицам повышенный интерес и во время посещения музея более сосредоточенно читал надписи на этикетках к чучелам. Однажды мое особое внимание привлекла птица, под которой значилось: дятловый древесный вьюрок...

Такой вьюрок мне был неизвестен, при всем том, что я считал себя знающим названия всех российских птиц. Записав русское и латинское названия вьюрка в блокнот, я обратился позднее к самому полному определителю наших птиц, о загадочном для меня вьюрке там ничего не говорилось, — и я обвинил Осипова в путанице.

Лишь по истечении года мне удалось наконец-то прочитать о дятловом древесном вьюрке в одном из учебников по орнитологии. Оказалось, что эта удивительная птица использует при добывании корма «орудие труда»: беря в клюв веточку, вьюрок тычет ею в глубь отверстия в коре дерева, чтобы выгнать обнаруженное насекомое на поверхность. Но самым интересным оказалось то, что единственным местом обитания древесного вьюрка являются Галапагосские острова...

Из таких вот далеких краев «прилетали» в Яранск птицы к Осипову, любившему их просто самозабвенно. Да!.. Были времена!

ТИХИЙ СВЕТ НАДЕЖДЫ

Чертополох

Вот и сентябрь пришел издалека. Уставшая от лета природа теперь молчалива — лишь тишиной живо увяданье. Бывает, заявится ветер — и травы зашепчут, и листья взлопочут. Но призрачно все: и шелест трав, и дерев лопотанье. Одной тишиной раскрашены звуки, какой бы силой они ни владели. Торжество материнства — даже оно обернулось беззвучьем, всюду светясь довольством и миром.

Как будто мудрее стала природа. Нет, не к смерти ее увяданье, — совсем к иной жизни переходит живое. Простой чертополох уверил нас в этом. Пожух его стебель, засохли все листья, но не померкли цветы. Ярко-малиновые, они все так же свежи и желанны. Они — как живая душа, которой открыта дорога в бессмертие.

Верить в воскресение

Начало осени. Первые пряди желтой листвы. Как будто стыдятся ее березы — стыдятся пока. Но в папоротниках осень уже торжествует. Жаркими кострами выбежали они из леса и горят веселыми колерами. Начались перемены в черемухах: языками пурпурного пламени «воодушевились» они. Куда ни ступишь — везде улада для глаз. Жить, благоухая, и умереть красиво — вот завидная участь, известная в мире растений. И как награда за добродетели — возрождение в новой жизни.

Весеннее пробуждение в природе сродни воскресению умерших. А осенние метаморфозы — как подсказка о воскресении. Вера в воскресение свята — предрасположенность к ней в глубине нашего сердца. «А она вырастет снова?» — спросил в хра-

ме малыш об остатке недогоревшей свечи. Готовность верить в чудо звучала в этом вопросе, и матери не пришлось на него отвечать.

Загадаю себе загадку

Первоначальной осенью, когда лишь изредка можно найти цветущую пижму, цикорий и ромашку, увядают луговые васильки. Сегодня я очутился на том месте, где васильков особенно много.

Многие из них уже рассыпали «семена будущей жизни». На виду их раскрытые чешуйчатые корзинки. Глядя на эти засыхающие растения, вспоминаю времена далекого детства.

В памяти всплывает лицо моего закадычного друга, стоящего рядом со мной. Он так же, как и я, несколько взволнован. Вижу его раскрытую ладонь, с которой должен отправиться в самостоятельную жизнь выкормленный нами птенец.

И опять всё мое внимание на головках васильков... Есть ли, кроме известной, какая-то другая связь между ними и созревшими семенами: насколько могут чувствовать растения?

Оставив загадку неразгаданной, поднимаюсь на взгорок, покрытый густым разнотравьем. Отгибаю, чтобы рассмотреть, стебель первого попавшегося растения. Это пикульник, крепко обвитый вьюнком. Вижу также, что за вьюнок еще цепляется мышиный горошек очень интересным образом — словно нитку в игольное ушко просовывает свои усики в отверстия листьев вьюнка, поврежденных насекомыми.

Двойная «ноша» легла на пикульник! Но находчивость горошка впечатляет больше. Обязательно запомню это: ведь я не забываю о загадке.

Земляки

Войдут в силу студеные октябрьские ветры — со скоростью спешащих по осени птиц полетят на землю последние листья. И не сразу порой отличишь, где летят птицы, а где — листья.

Не останется уже ни сарычей, ни коршунов — лишь «тепло одетые» зимняки начнут кружить над убранными полями.

Выслеживая добычу, каждый из зимняков будет время от времени зависать в воздухе, опустив утепленные перьями лапы и развернув белый, как бы запорошенный снегом, хвост, отороченный темной полосой.

В эту же пору встречаешь на зяби подвижных жаворонков-рюмов. Их стайка, словно перья в крыле, действует как единое целое: рюмы разом взлетают и садятся, одновременно совершают виражи, так что наблюдателю открывается белесый испод крыльев каждого летящего рюма. Этот испод хорошо сочетается с негромким звенящим голоском птицы. Опустившись на поле, все рюмы могут сразу же стать (на несколько секунд) невидимыми: таково их искусство прятаться.

Родиной зимняков и рюмов является тундра. Может быть, земляки эти напомнят друг другу при встрече о родных краях.

Серебристый тополь

Одним особенно жарким летом я часто проходил мимо серебристого тополя. Каждый его лист, мелькая «обескровленной» изнанкой, словно заставлял меня обостренно внимать и поблекшему от палящего солнца небу, и увядшим раньше времени травам.

А поздней осенью листья серебристого тополя, лежащие на земле кверху серебристой изнанкой, казались ярким, только что выпавшим снегом. Глядя на них, я мечтал о первой пороше, покрывающей рытвины и ухабы, как нечаянная радость затмевает заботы и печали.

Что ж, и серебристый тополь есть слово, которое не выкинешь из песни природы.

Из горчичного зерна

Прошли обильные снегопады. Отшелестели травинки и былинки, что совсем недавно шептали друг другу о дерзости осеннего ветра. Только отдельные колоски и метелки виднеются поверх суметов, да высокорослые полыни и репейники еще заявляют о своей самостоятельности по отношению к снежному государю.

В лесу особенно тихо. Слышны лишь тоненькие голоса москочков и королек. «Си-си-си...» — доносится изредка из-под еловых лап, отягощенных снегом. Звуки эти не нарушают тишину, а скорее ее подчеркивают. В них, едва слышных звуках, теперь как будто и заключена жизнь птичьего мира. Они словно свидетельствуют, как была велика птичья братия, и в то же время убеждают, что в урочное время она опять умножится, — как из крошечного горчичного зерна вырастает крупное растение и как даже малой верой стяжаются большие духовные богатства.

Приглашение к знакомству

Бывает, что посреди зимы где-нибудь на тихой улице или в парке вдруг почудится пение цикад. Если это случится с тобой, то обязательно осмотришься по сторонам, и ты увидишь интересных птиц — гостей из далеких северных лесов — свиристелей, которые своим негромким «сири-сири...» напомнят о знойном лете. Твои щеки, возможно, будет щипать мороз, а ты предашься воспоминаниям о радостях лета. Если это случится в солнечный день, то твои воспоминания будут еще ярче.

Ты осторожно подойдешь к птицам: я уверен, что будет удача, поскольку они очень доверчивы. Тебе удастся рассмотреть вершинки перьев свиристелей, имеющие желтую окраску. Тогда еще сильнее ощутишь летнее тепло. Кораллово-красные пятна на крыльях покажутся похожими на рябиновые «яблочки» — главное лакомство свиристелей...

Пройдет несколько минут, и ты внезапно поймешь, что именно свиристелей тебе не хватало во все многочисленные предыдущие зимние дни, когда ты не знал об их существовании.

А полюбив их, непременно найдешь весной на том или ином дереве их стайку, чтобы попрощаться, понимая, что наступило время их отлета.

Ты увидишь, как они попеременно будут невысоко взлетать, на секунду-другую замирать в воздухе, работая крылышками, и возвращаться на ветки. Тебе покажется, что они приветствуют весь мир, который их окружал в течение зимовки, а стало быть, и тебя.

«До будущей осени!» — скажешь ты с грустью, но и с надеждой.

Ашка и прочие гаички

Гаички, которых нынешней зимой мне удалось приучить брать корм с ладони, были «не на одно лицо». Одну из них я поначалу назвал Замарашкой, а затем (в порядке упрощения) Ашкой. Светлая часть оперения этой птицы имела цвет золы, как будто Ашка ночевала в печной трубе, подобно опытному воробью.

Семечек, которыми я угощал гаичек, Ашка брала в свой клюв сразу по две-три штуки и улетала с ними в потаенное место, где, может быть, и запасы делала. А иногда, совсем не страшась меня, расклевывала семечки прямо на моей ладони, облюбовав для этого большой палец.

К тому же она оказалась общительной особой. В первые дни нашего знакомства, прилетая, она подчас усаживалась на веточку напротив, внимательно разглядывала меня и как бы говорила: «Так вот ты какой...» Мои глаза в такие минуты тоже не молчали. Подобные сцены происходили и когда Ашка находилась на моей ладони.

С каждым днем она все более привыкала ко мне: запросто садилась на мою шапку и пальто, брала корм с руки и в то время, когда я быстро ходил по тропинке, чтобы согреться.

Конечно, птица на ладони — это как подарок и напоминание о давно прошедших днях гармонии человека с природой. Однако секунды, в течение которых видишь птицу летящей к тебе, для меня более драгоценны. (Ведь и в жизни стремление к цели нередко бывает приятнее ее достижения.) Мгновения эти возвышенны сами по себе; здесь не важно, какая к тебе летит птица — яркая или невзрачная.

Глядя однажды на летящую ко мне Ашку, я обнаружил, что чувствую ее как-то особенно: между нами словно была натянута нить, по которой передавались волны доверия. Так, будто преодолевая рытвины и ухабы, следуя по волнообразному пути, ко мне раз за разом летела доверчивая птица.

Спустя некоторое время я определил Ашке питаться с кормушки, что вывесил в затишке. Разумеется, туда повадились наведываться и синицы. Когда я стоял рядом с кормушкой, Ашка была, по существу, единственной ее посетительницей. Стоило отойти — она тут же летела ко мне, как будто хотела жаловаться на синиц, поскольку некоторые из них оказались задиристыми.

Впоследствии на кормушке стали появляться и две другие гаички. Одна из них не раз встречала меня на расстоянии

200—300 метров от кормушки. Узнавая «кормильца», она увязывалась за мною, подобно собачонке, перелетая с присады на присаду вдоль пути, пока не оказывалась у места кормежки. При встрече друг с другом около семечек гаички не забывали демонстрировать чувство собственного достоинства: соперничающая сторона либо получала «тумак», либо выслушивала свистовую трель, во время которой исполнительница поднимала голову вверх.

Что касается меня, то звуки эти мне всегда казались самыми приятными из всех издаваемых гаичками. Если бы человек в гневе — в целях укрощения порыва — произносил бы только приятные слова! Должны же мы перековать мечи на орала.

В ожидании автобуса

Мороз за двадцать. Тяжеловато птицам. Но четыре воробья на небольшом пятачке голой земли, согреваемой теплом инженерной коммуникации, похоже, чувствуют себя безбедно. В их владениях даже порхалище. Тягостное ожидание автобуса скрашивается: смотрю, как в январскую стужу, среди сугробов, купается в пыли зачуханный воробышка. Хоть делай вывод: им, воробьям, как и нам, людям, круглый год подавай все жизненные удовольствия...

А вот голубю, на которого я только что взглянул, труднее. Он, видно, настолько голоден, что всеми ему доступными средствами просит участия. Полминуты назад голубь взлетел «пред мое лицо» и завис на секунду, как бы говоря: «Я очень голоден — поделись, чем можешь...» Но как жаль: и сегодня перед выходом на улицу я забыл положить в карман горсть семечек.

Этот сизарь, видно, коснулся моего сердца, и я вспомнил историю об одном городском голубе, которую когда-то мне рассказала моя бабушка. Послушайте.

Ее единственный сын тяжело заболел и был вынужден лечь в больницу для сложной операции. Восемидесятилетняя старушка с больными ногами, позволявшими ей едва-едва передвигаться, с каждым часом все больше тосковала. Конечно, ее мучило и неведение.

В один из таких печальных дней к бабушкиному окну прилетел голубь. Воркуя, он стал внимательно смотреть в ее комнату... Насыпав перед ним хлебных крошек, бабушка взволнованно прочитала тропарь Крещения, находя в поведении

сизаря много необычного. А затем рассказала ему о своей скорби. Что-то подсказывало материнскому сердцу: эта птица — вестник...

Впоследствии бабушка узнала: голубь прилетал именно в тот час, когда благополучно разрешилась судьба ее сына.

Первая песня синицы

В то январское утро я был очень утешен. Еще не рассвело, когда в соседнем дворе начала названивать свою весеннюю песню синица. Конечно, в ее клюве не побывало ни маковой росинки: она начала свой день с пения. Нет, не петь она не могла — песня просилась из ее горла: ведь с каждым днем всё обильнее проливался на землю свет, будто всё шире открывались ставни земной горницы. Крошечное сердце синицы уже исподволь отворялось для весны, становясьместилищем большого чувства.

И каждый звонкий слог, выпеваемый этой синицей, падал на мою душу капелькой восторга, подтачивая тогдашнюю грусть, как весной подтачивают снег летящие с крыш капли.

Зимний клен

Чем больше проходит зимних дней, тем нетерпеливее ожидаешь лето, — чтобы поскорее услышать шелест листвы, окунуться в мир птичьих песен, увидеть, как в очередной раз земля предстанет в обновке, привнося и в тебя самого надежду на обновление.

Впрочем, такие мечты порой начинают сбываться и раньше ожидаемого срока. В этом я убедился сегодня, не спеша приближаясь к растущему на пустыре ясенелистному клену, одетому многочисленными плодами-крылатками. Увлекаемый разгульным февральским ветром, клен нашелестел мне столько летних песен, что я долго стоял возле него и слушал, слушал...

Нельзя было не поразиться речистостью кленовых крылаток и не вспомнить, как по осени стая птиц готовится к отлету. А ведь у крылаток один-единственный в жизни полет, очень непродолжительный даже в сравнении с полетом семечка одуванчика. Но велико было желание лететь — поведала мне обьятая ветром кленовая «купа».

Февральская картинка

В канун Сретения установился шестнадцатиградусный мороз. Повсюду чародействовал иней; он был настолько обильным, что сорока, поместясь на черемухе, будто тонула в нем, — одна сорокина голова чернела среди заиндевелых ветвей да слышались ее выкрики, будто белобока просила о помощи.

Несмотря на стужу, от души вызванивала свою весеннюю песню синица. Она словно взывала к весне: «Приди-приди-приди...» А может быть, спешила отметить в еще не наступившем времени года, убеждая себя: «Ведь я доживаю до весны! Как легко льется моя песня! Еще немного терпения, и...»

Синицыно настроение было заразительным. И вот уже ветви плакучей березы, покрытые изморозью, почудились очень похожими на сосульки.

А изморозь — белее белого. Среди этой образцовой белизны нежные оттенки светло-палевого и золотистого цветов являл собой ствол березы. Их «нахудожничал» пока еще холодный солнечный костер, принадлежностью которого хотелось назвать сыпавшиеся без конца мельчайшие льдинки-искорки.

Этот день и стал одним из прощальных приветов зимы. И, подобно синице, я был восхищен приближением весны.

Предвкушая перемены

Бывает, мелькнут пред твоими глазами в солнечный день февраля, когда идешь куда-то, лоскутки слабенького еще наста, что блестит, как парча, — и остановишься, и многое заметишь. С интересом посмотришь, как ветер покатывает по насту колючку репейника, взглядишься в синеву теней, легших на снег, как ложатся краски на холст. Вот тогда и поймешь, что уже готовятся благие мартовские перемены.

Но вдруг запуржит, заметелит — и не станет синих этих теней, и точно не было их. Картина преобразится. Все краски покажутся второстепенными, малозначащими. Зима тут словно спохватится: примется усиленно накапливать снега, как некоторые скаредные люди копят деньги в последние свои годы. Сугробы будут расти, прибывать; и все это исключительно для того, чтобы их растранижила весна со своими бурными потоками и веселыми ручьями, в какие бы крепко запертые сундуки из мартовского наста ни были уложены эти снега.

Настраиваюсь на весну

Сегодня пятнадцатое февраля. Празднуем Сретение Господне. В этот день у нас, в средней полосе России, зима встречается (сретается) с летом.

Кроме усиления света, приметы приближающегося перелома еще малозаметны. Земля за снежным занавесом. Но декорация весны уже задумана и мало-помалу создается.

Возле нашего дома несмело пока еще, как бы пробуя голос, вызванивает свою весеннюю песню синица. Пара полевых воровьев копошится возле скворешни. Один из них азартно чирикает, а другой тщательно осматривает возможное место будущего гнезда.

Береза настроилась на весну. Чуткие стерженьки ее рассыпавшихся семенных сережек — как антенны. Они готовы уловить первые весенние сигналы. А немногочисленные целые сережки, похожие на султаны лисохвоста, огнисто рыжеют в лучах набирающего силу солнца. Живописными пятнами смотрятся они на фоне вольного графического построения из ветвей, выполненного фиолетово-коричневым по голубому.

Да, весна не за горами.

Ополовнички

На исходе Масленицы нас вволю повеселило солнце. Оно не только понарисовало на ярчайшем снегу множество приглядных теней и отражений, но и, несмотря на легкий морозец, подразнило зиму весенними капелями, по-особому вдохновив синиц, — и зазвучали с утра звонкопесенные колокольчики, как бы развешенные на самих солнечных лучах.

А к обеду, когда я шел по одной из оживленных улиц, сквозь рев машин раздалась переключка таких чистых, тонких и приятных свистов, будто сами солнечные лучи выражали себя посредством звуков. И вот вблизи от меня, на березе, начала трудиться стайка ополовничков. Замелькали белые головки этих стремительных птиц, завывисывали в воздухе невидимые орнаменты их длинные хвосты. И была немолчная переключка. Где свистнет ополовничек, там словно прострелит воздух цветная паутинка, из чего мастерилась для березы праздничная одежда.

Так исполнилось мое желание — встретиться в Масленицу с чем-то необыкновенным и радостным.

Однажды в марте

Мартовской порой земля в наших краях большей частью заснежена. Поверхность тающего снега блестит на солнце после заморозков, как отполированная. Снег этот — уже не символ зимы, а напоминание о ней, как оттаявшие склоны напоминают об осени, а то и о лете.

Однажды в марте многое из твоей жизни вдруг вспыхнет в памяти особенно ярко. Вспомнишь тут о своих ошибках, о неисполненных тобою обещаниях, о мучительных горестях и обнаружишь внезапно, что готовая к обновлению природа призывает и тебя обновиться — «облечься в нового человека» (Еф. 4, 24), а взгляд твой тянется в небо вслед за взлетающим выше и выше жаворонком, песнь которого, конечно же, радостна.

Первая встреча весны

На день памяти преподобномученицы Евдокии (14 марта по новому стилю), издавна прозванный Евдокией-плющихой, приходится эта долгожданная встреча.

Нынче на Евдокию суметы действительно стали ниже (сплющились). И есть отчего: уже неделю щедро пригревает солнце. А вечерами оно покрывает небосвод единственными в своем роде изумительными акварелями.

Звучат челесты и ксилофоны капелей. Под музыку эту шествует по двору первый грач, которому есть чем важничать: на нем глянцево-черный костюм. Его-то и обсуждает, наверное, разместившаяся на кусте компания воробьев, беспрерывно болтающих и неудержимо перебивающих друг дружку...

Нарастает предчувствие радости, словно вот-вот из-за синих морей, из далекого Беловодья, прилетит сказочная птица сирий как предвосхищение чего-то невиданного, что обязательно должно прийти.

Найти себе утешение

При всяких трудностях и печалях есть свои утешения.

Древнюю эту мудрость я вспомнил однажды в начале весны, проходя обширным полем, когда развлек себя, изрядно

утомившись снежной белизной, зрелищем расположенного вдали березняка: его сомкнутые кроны были похожи на облачко, растворившее в себе фиолетовую дымку. Таким березовый лес мог быть только в это время. Образ его — обещание будущих перемен — приятно взволновал меня.

И вот уже забываю о неудовольствии от пронизывающего ветра, сосредоточась на раздумьях о достоинствах мартовского наста, крепость которого позволяет мне быстро добраться до дома. А свободная от снега отлогая луговинка уже не печалит видом безжизненных прошлогодних трав, потому что я слушаю жаворонка. Да и отсутствие первых подснежников не оказывается поводом для грусти, поскольку сознаю, что уже через несколько часов стану очевидцем богатого на силу и краски солнечного заката.

Вторая встреча весны

Сегодня, в день памяти сорока севастьянских мучеников (22 марта по новому стилю), встречаем весну вторично.

Вчера и позавчера солнце трудилось неупустительно. Сугробы стали еще ниже — «подросли» деревья и кустарники. Верба выпустила на волю свою «детвору», одетую в меховые шубки. Торопливо бегут ручьи, точно стараясь попасть куда-то в установленный срок.

Грачи стали самыми заметными птицами. Слушая, как они грают, волнуешься, словно сеятель, надеющийся на добрые всходы. Ведь на исходе пост: удался ли сев невидимый?

С нетерпением ждешь жаворонков. Ну а сегодня время для выпечки сорока жаворонков из теста.

Впереди же сорок утренников. А затем, среди прочих пернатых, прилетит сладкоголосая птица — сорокопесенник. Блажен, кто ждет и обретае!

Заливается первый жаворонок

С первых же дней весна споро взялась за свое дело; солнце обещало не церемониться с залежалыми снегами.

Выхожу на всполье в надежде услышать первого жаворонка. Солнце поливает сугробы десятиградусным «жаром». Подставляя светилу свои алые грудки, щебечут репыловы.

«А вот смотри-ка, встает...» — восклицает мой собеседник. И действительно, из-за пригорка поднимается запевающий жаворонок. Первые движения несколько тяжеловато даются ему, как человеку, пробудившемуся от изнурительного сна. Но чем выше взлетает жаворонок, тем залиvistее становится его песня, ведь она — как подснежник, который, лишь взойдя достаточно над землей, раскрывает во всей красе свои милые лепестки.

Эта восхитительная весна

Последние дни марта. Свет льется на землю «как из ведра». Мошна со сбережениями зимы вдруг прорвалась во многих местах, — и со звоном ринулись во все концы говорливые ручьи.

Обилие света, обилие воды. Значит, будет обилие цветов и птичьих песен.

Третья встреча весны

На третью встречу весны, приходящуюся на день Благовещения (7 апреля по новому стилю), снеготаяние уже в самом разгаре. Оттаявшие участки земли с давно засохшими травами производят впечатление необитаемых островков. Но нет: почти на каждом из них — жаворонок, для которого этот пятачок земли — такой же огромный мир, как для Робинзона его остров. Тем более что над жаворонком бездонное небо, в котором всё чаще и чаще разливаются его благостные песни...

Как у хлебороба, спешащего с завершением жатвы, растет и растет рабочий день солнца, успешно работающего над уборкой снегов.

В потоках, мчащихся в низины, не меньше восторга и трепета, чем в душе мальчугана, несущегося на санках с головокружительной кручи.

Уже прилетевшие зеленушки, реполовы, зяблики, скворцы, «им же несть числа», умножают наше праздничное настроение прелестью своих песен.

Хочется подарить людям много-много улыбок, словно выпустить из клеток птиц, что исстари делают в день Благовещения.

Жаворонки

*Оле жаворонок, летняя птица,
красных дней утеха...*

Задонщина

В урочный час тянутся вверх как благоуханные, так и совсем скромные растения, всё выше и выше поднимается в небо поющий жаворонок — каждое существо прославляет Творца, ибо предначертано: «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6).

Нет птицы, которая бы возносила свою песнь так высоко, как жаворонок, — так высоко, что бывает не видно самого певца, и уже кажется, что одна небесная лазурь источает эти чарующие звуки.

В назначенное время жизнь растений начнет сосредотачиваться в корневищах и семенах, рассыпающихся под полог увядающих листьев. Тогда очень малозаметной птицей становится жаворонок — более, чем многие другие пернатые. В густых травах рядом со старыми жаворонками будут бродить их крепнущие птенцы, которые в установленную пору выполнят свое предназначение — воспоют радостную песнь.

Скворец

Милый, милый скворец! Посмотришь на тебя в один из первых дней твоего прилета, послушаешь твою песню и подумаешь: «Дивнее дивного твоя красота! Как отменно отливают твои, точно умащенные елеем, перья, — то одним, то другим металлическим цветом. Хоть и черна твоя одежда, но она слепит, как мартовский снег в солнечную погоду. А насколько чудно поешь ты — словно сучишь замечательную нить из пряжи голубых небес!»

Ледоход

Дни, когда река копила силы, позади. Со всех сторон к ней стекались потоки вешних вод, как некогда собирались в столицу по призыву князя отряды ратников. И вот ледовое иго свергнуто!

Настало время торжества. Река, вышедшая из берегов, гуляет и играет.

Но что это? Расколовшийся ледяной панцирь словно превратился во множество белых теплоходов, каждый из которых не похож на другие. И теперь те же самые мчащиеся ручьи воспринимаешь как потоки спешащих пассажиров, у которых одно на уме: как бы не опоздать, ведь коротка весенняя навигация. Гляжу на этот парад-смотр белых «теплоходов» — и меня начинают манить дальние страны: где ж ты, моя льдина?

А льдины все плывут и плывут, напирают на ледорез моста. Какая мощь! Свободный от снега яр смотрит на это, разинув рот. Первые же льдины уже где-то далеко по-рафинадному тают в нагревающейся воде, подкрашенной чайно-коричневыми ручьями.

Да, так начинается весна пробуждения жизни, во время которой простые заросли тальника с отвесными годовальными лозами вдруг захочется сравнить с толпой людей, вскинувших в восторге руки.

Зарянка

Протекающая в нашем логу речка Ивушка в апреле дивно разгулялась: воды было много, ведь прошедшая зима не скупилась на снега. Выйдя из берегов, речной поток припустил напрямик, срезая полуостровки и прорываясь через заросли готового к цветению тальника.

Застрекотали в кустах пролетные зарянки, словно заударяли друг о друга многочисленные стеклышки, — и мне казалось тогда, что вместе с солнечными лучами земле даруются и самоцветы, вспыхивающие огнями в струях мчащихся вод.

Вот на ивовой ветке показалась одна из зарянок. С удивлением глянули на меня большие черные глаза, вспыхнула на солнце ее красновато-рыжая грудка. Зарянка присела, словно онемев, затем привсталала. После чего повернулась ко мне своей оливково-бурой спиной и несколько раз вздернула свой хвост, посмотрев на меня через плечо, — и, наконец, застыла в ожидании. Но я не шевелился, желая услышать пение птицы...

Когда же она запела, то воображаемые мною самоцветы посыпались по-настоящему щедро. Недвижимая во время пения, зарянка не сводила глаз с лучезарного солнца. Будто еще ярче огнилось красновато-рыжее пятно в ее оперении. Нет сомнений, что любовью к Первопричине мира была полна ее песня — той самой любовью, причастность к которой дороже всех самоцветов на свете.

Кроншнеп

Поля только что освободились от снега, в бороздах и низинках еще много талой воды. Проволглая пашня с блестящими на солнце комьями и пластами точно содержит в себе неистощимое изобилие тука.

На середине загородного вспаханного поля прохаживается группа пролетных кроншнепов. Движения птиц степенны, как у хлебороба, сознающего величие своего дела. Вижу в бинокль: ноги этих куликов настолько облеплены влажной землей, что кажутся обутыми в лапотки.

И в чем же заключается главное достоинство кроншнепа? Может, в его оперении? Разумеется, нет: оно скромно и неприхотливо, как крестьянская одежда из грубой холстины. И не в манере летать главная особенность кроншнепа, хотя нечто величественное можно заметить в его полете.

Очаровательное пение — вот главное достоинство этого кулика. Голос его чист, как родниковая вода; силой своей красоты он слепит твои чувства, как слепит глаза освещенный солнцем мартовский снег. Голос кроншнепа и иволги обычно сравнивают со звучанием флейты. Но знаменитый иволгин флейтовый крик, в сравнении с изысканно-музыкальной трелью кроншнепа, — то же самое, что лубочная картина в сравнении с полотном великого мастера.

Если весной услышишь эту трель и почувствуешь, что солнечные блики в ручьях стали еще ярче, а само солнце словно заиграло на небе, то считай, что тебя долго не покинут восторженные чувства.

Черемуховые холода

За эту растущую на бойком месте черемуху, почти единственную возле нашего густозаселенного района, я начал бояться, когда в середине мая она дивно заневестилась. Уже в первый день на тропинках возле нее валялись белые кисти, оборванные прохожими.

Но вот подули напористые северные ветра — черемуха как будто умоляюще простирала свои ветви. И выпал снег, словно пролетели многочисленные стаи лебедей и каждая птица уронила по перышку.

Теперь белые черемуховые цветы кажутся родственными выпавшему снегу.

Пока будет лежать этот снег, пока будет холодно, черемуховые лепестки не мне одному покажутся снежными, что и поможет черемухе сохранить до поры до времени большую часть своего убранства.

Зуйки

Когда праздновать весну начинает черемуха, у обитателей песчаных берегов — зуйков — брачная «карусель» набирает ход. Тогда трудно их здесь не заметить, как на зеленой траве возле яблони с завязывающимися плодами — покрывало из брачных лепестков.

Необыкновенной шумливостью отличаются зуйки в это время, словно желая всем сообщить о зарождении своих птенцов. Их экспансивность бывает настолько велика, что, находясь поблизости, отвлечешься и от слушания соловьев, гремящих в прибрежных рощицах, и обратишь внимание на свываи и обычаи этих маленьких куличков.

Всякий посмотрит с улыбкой на то, как топорщит перышки одетый в белую манишку с черной «бабочкой» зук. Несколько секунд простоит он за таким занятием и что есть мочи побежит по песку, чтобы взлететь с разбега. Много «взлетных полос» на песчаном берегу: то там, то здесь поднимаются в воздух быстрокрылые зуйки и непрерывно тараторят — ведь их буквально распирает от чувств.

В такие дни, сидя на берегу и наблюдая за летящими зуйками (у которых особенно заметен белесый испод крыльев), вспомнишь и о цветущей черемухе, и о вишне, и вдруг поймешь, что целиком пленен весной.

Все движется любовью

Заброшенный карьер стал для меня притягательным: я наблюдал там за разными птицами. В карьере может состояться встреча и с воркующей горлинкой, и с варакушкой, которая как будто для меня одного будет петь негромкую, но восхитительную песнь, и с другими пернатыми.

Есть в той палестинке и озерцо, вдоль берегов которого, как стражи, поднимают листья-мечи многочисленные розы.

Во время весеннего пролета на нем отдыхали чирки. В кон-

це мая прилетели две речные крачки, которые сразу же затеяли рыбную ловлю.

Как маленькое чудо, засверкали на солнце золотистые карасики, выхватываемые стремительными охотницами из воды. Зычные выкрики крачек были слышны, наверное, всем обитателям карьера. Бросающиеся в воду, они привели в движение ранее спокойное озерцо: кипенью казались их белые, как цветы черемухи, перья.

Почти половина бросков приносила успех. Некоторые рыбки были проглочены на лету. Выпавший раз из клюва летящей крачки карасик ею же был пойман в воздухе. Я пожелал, чтобы не иссякали рыбные запасы озера.

После непродолжительного отдыха взлетела только одна крачка — та, клюв которой темнее (по-видимому, самец). С большим вниманием следил я за тем, как он зависал над водой, развернув веером хвост и опустив напряженно голову, как это делают некоторые хищники, выказывая большое желание добычи.

Бросок — и торжествующий победный возглас! О радость! Восторженным триумфатором полетел он к своей стоявшей на камушке подруге и передал ей из клюва в клюв драгоценного карасика, которого она тут же проглотила, ласково (как мне показалось) глядя на своего друга.

Ухаживание тут же повторилось. Лишь третьей рыбкой он вознаграждал самого себя.

Свидетелем подобных событий я стал и в последующие дни. И всякий раз, когда возвращался домой, придорожные цветы как будто говорили мне: «Все движется любовью!» «Всегда, всегда, всегда...» — подтверждал в поднебесье жаворонок.

Открой свое сердце

Горе горькое томило меня. В полночь вышел на улицу: вдруг полегчает. Закат уже догорел, деревья молчали. Но заливался вдали соловей — певец радости и довольства. Я жаждал реквиема — а тут соловей, точно нельзя было радоваться другим.

Мир вне меня — огромный и многомерный — словно весь назначался для счастья, и я со своей печалью был вне закона.

Струился покой в тишине летней ночи, и гнал печаль соловей. Осталось лишь открыть свое сердце, чтобы покой наполнил его.

Ночь коротка

Поздним вечером, в начале июня, я засиделся на скамейке возле моего дома.

Стайки стрижей с пронзительным визгом пронеслись над крышами. «До чего же хороша жизнь — дорожи каждой ее минутой!» — напоминали они, вплоть до сумерек рассекая воздух своими серповидными крыльями.

Однако и после захода солнца они не совсем уgomонились: под карнизом соседней двухэтажки, где устроились стрижи на ночлег, еще долго раздавались их коротенькие выкрики. Полные необыкновенного жизнелюбия, эти птицы и во время покоя не могли удержать в себе впечатлений минувшего дня. А может быть, они обменивались ими, что особенно любят дети после интересного фильма?

Стало свежо, не очень досаждали комары, на город опустилась тишина, спать не хотелось. И я решил слушать июньскую ночь.

Вот пахнуло ветерком, огромные тополя напротив глубоко вздохнули: «Как хорошо», — и тут же опять погрузились в сладостную дремоту.

На пригородном заливном лугу все азартнее и увереннее кричал коростель. Хозяином луга был именно он, и каждую ночь он особенно убедительно заявлял о своих правах.

Мне захотелось на луг, окутываемый теплым туманом. Но тут послышался легкий топот: какой-то зверек двигался в мою сторону. Гляжу в оба: неужели крыса?

Зверек приблизился ко мне, и я произвел «вычисление»: острая мордочка... плюс игольчатая шуба... равняется ежу. Конечно, это он, милый ночной топотун.

Еж остановился, когда я склонился над ним. Но он не стал прятать свою мордочку, как бы говоря: смотри уж, коль любопытный...

Тут меня отвлекли шаги припозднившегося прохожего. «Глядите, здесь настоящий еж!» — спешу поделиться с ним своей радостью. Прохожий слегка надавил на игольчатую шубу подошвой ботинка и согласился: «Да, это он. Знаю, что живут у нас и такие», — и продолжил свой путь.

Еж спокойно отнесся к такому обращению, как зверь в зоопарке к разглядыванию его разными лицами.

Но у ежа были свои дела, и он, свернув с дорожки, зашелестел в траве под рябиной. Спустя короткое время я снова подошел к нему, когда он показался на открытом месте. Опять за-

мерев, еж глядел на меня: на сей раз, наверное, укоризненно. Наконец я решил более не отвлекать ночного странника и отправился на ту же скамейку. А еж уже шуршал около подворотни, затем очутился на нашем дворе. И я долго слушал доносившиеся оттуда звуки...

В четверть третьего прозвучала первая песня горихвостки. Было еще темно, но предчувствие рассвета усилилось. Песню слышал не только я: в разных местах запели другие горихвостки. Они пели не наперебой, а по очереди, слушая друг друга, как утренние кочеты.

Я отправился бродить по пустым еще улицам. Людей, встающих с горихвостками, не встречалось. Деревья молчали — даже известная всем трепетица-осина, попавшаяся мне на окраине.

Наконец я остановился у покосившегося сарая, на коньке которого поместилась поющая горихвостка. Сначала был виден только ее очерк. А когда немного зарделась горихвосткина грудка, стало ясно, что начинается рассвет.

Купальница и одуванчики

Газон был обширным и весь золотел одуванчиками: желтое с зеленым и больше никаких колеров. Посредине газона поднялась купальница — одна-одинешенька, но того же самого желтого цвета. Вдвое выше одуванчиков, словно задумчивая, она кивала на ветру своей розовидной головкой. Настоящей царицей стала купальница на этом газоне. Сродни одуванчикам по цвету, она превосходила их породой, и первенство ее было несомненным.

Лишь одиночество купальницы вносило грустную ноту (и еще — патетическую: ведь в одиночестве много геройства). Но были шансы рассыпать семена — залог будущей уже коллективной жизни, чем и оправдывалось одиночество, как оправдывается любая житейская неудача.

Громкоголосый воробей

Оживленный перекресток в середине июня. От рева грузовиков больно ушам — плотная звуковая завеса, будто непроницаемая. Но нет: с придорожного столба доносится чирикание — голос повышенной громкости, голос воробья.

Никудышная территория выдалась бедолаге для брачных дел. И вот он весь трясется от перенатуги: нужно, нужно быть услышанным, какой бы шум ни раздавался вокруг. Не зря старался тот воробей: триумфом победителя звучал его звонкий голос; настоящий подвиг творил он по воробыным меркам.

Но этого мало: из-за людей вся природа обречена на подвиг, а люди — на смерть. Лишь человека жалит ее жало. Природа, напротив, не умирает (смерть там, где сознание смерти). Она всего лишь уходит: в шепот безлистных деревьев, в зарю за линией горизонта, в осеннюю тишину...

Тропинками Городского леса

Еловый лес, начинающийся прямо за восточной окраиной нашего городка, уже давно именуют Городским. Некоторые мои соотчичи считают, что он интересен лишь грибами да малинниками, теснящимися вдоль тропинок и просек. Другие нередко отправляются в этот лес просто «за впечатлениями». Любопытно бывает послушать таких.

Иногда рассказывают о загадочной красоте Черного пруда, расположенного в отдаленной части леса. На берегах этого спокойного водоема теснятся старые хвойные деревья, будто собравшиеся здесь, чтобы слушать тишину, которую по временам нарушают лишь гулкие барабанные трели желны. Не раз на берегах Черного пруда гнездились цапли. Говорят, в первый день своего прилета они располагаются на старых деревьях и долго смотрят на темную воду пруда, над которой раскачиваются на ветру листья стрелолиста: похожие на ладони, они манят птиц к себе.

Несколько тропинок ведут от пруда в разные концы леса. Можно выбрать любую.

В конце июня я отправлялся по той, которая приводила к тянущейся вдоль просеки ложбинке: здесь уже зацвела таволга. Я обязательно пересекал это место, и пушистые духмяные шапочки-соцветия таволги ласково касались моего лица.

Спустя полмесяца я зачастил на расположенную рядом с прудом Пестовскую поляну с ковром из нивяников. Стоя на ней, я любовался восседавшим на вершине сухой сосны сторожким соколом-кобчиком.

А однажды в конце июля, когда уже не кричали иволги и мало звучало других птичьих голосов, я брел по лесу, куда не зная сам. Возбужденно стрекотали потревоженные мною за-

рянки. Их голоса были похожи на звуки ударяемых друг о друга стеклышек. «Разбился птичий хор, как прекрасная хрустальная ваза, а теперь — только осколки», — думал я с грустью. Когда же встречались «рюмящие» зяблики, то становилось еще грустнее: в те дни я был уверен, что так зяблики предсказывают дурную погоду. Однако мое настроение вскоре изменилось, и я забыл о лесных синоптиках.

Внимание привлекло негромкое постукивание. Повернув голову, я увидел большого пестрого дятла (самца) и членов его семьи: самочку и птенца. Настало время удивляться, поскольку я считал, что супружеские узы дятлы носят совсем недолго.

Дятел-папаша умело расклевывал в «кузнице» еловую шишку. Полуметром ниже, на той же ели, покрытой лишайниками, находилась его супруга, а рядом с отцом — беспрерывно кричавший красношапочный первогодок. Стало ясно: взрослая птица обучала птенца.

Птенец все время егозил, выказывая нетерпение. Папаша принял это за преждевременное желание стать самостоятельным и, с молчаливого согласия супруги, наказал детеныша, ткнув его клювом.

«Вот этот птенец и бесчисленные семена, роняемые растениями, и есть залог будущей жизни, будущей весны», — подумал я. Значит, все повторится опять.

Навстречу утренней заре

Легко шагается, когда цель желанна, когда чувствуешь немалый запас сил, когда под ноги ложится тихая дорога. При таких благах мы трое и отправились в путь в начале июньской ночи, чтобы примерно «ко вторым петухам» добраться до цели.

Дорога стлалась через нивы, ныряла в лощины, лгнула к рощицам и перелескам, а то упрямо взбиралась на какой-нибудь взлобок, чтобы путник, расширив окоем, вдосталь налюбовался родными далями.

Увертюра к спектаклю летнего утра — мягкая ночь — исполнялась во всю ширь. Звуки ночи составляли приятнейший аккомпанемент нашей тихой беседы.

Поля и луга были как государство коростелей: их крики раздавались и слева и справа. Но, разумеется, раздробленным было это «государство»: каждый коростель бродил только в своей вотчине, в отдалении от соседей. Так и шли мы от коро-

стеля к коростелю, поначалу точно не утомляясь, а шествуя «от силы в силу» (Пс. 83, 8). Тогда мне казалось, что если бы мы перешли на бег, то голоса этих птиц «мелькали» бы, как мелькают огни полустанков в окнах идущего поезда. Крик коростеля — вот характерный звук июньской ночи. Но особенно выпуклое звучание ей придают сверчки, поющие в низинках, вблизи речек и ручьев. Эти небольшие птицы нас просто завораживали. Далеко разливается монотонно-стрекошечья песня сверчка. Неподвижно распахнутым клювом он несколько напоминает птенца, просящего пищу. Песня его подчеркивает ночной покой, озвучивает туманы, обволакивающие низкие места: кажется, что какой-то проворный швец строчит и строчит на швейной машинке, создавая из туманов покровы для тех, кто стынет в ночи.

Всякий раз, вступая на мост через какую-нибудь речку, мы чувствовали запах этих туманов, впитавших в себя сладковато-дурманящий дух таволжника, тонкие ароматы других трав. Порой хотелось остановиться, чтобы впасть в полудрему, но дорога звала вперед...

Незадолго перед рассветом, когда заметно возросла усталость, мы свернули на луг и немножко подремали на копне душистого сена. Однако и после отдыха идти становилось все труднее; мнилось, что ноги тяжелили и пыль, осевшая на них на протяжении пройденных километров.

Но наступало время забыть об усталости — начинался рассвет.

Чудилось, что над всеми лугами и лесами какой-то невидимый горнист играл побудку, чтобы каждая травинка стряхнула с себя дремоту. По мере того как восходило солнце, вызревали цвета, что звучали ранее под сурдинку. И вот уже на каждом кусточке горит утренний румянец, и солнце смотрит на всё с любовью, как художник на лучшее свое произведение.

Вблизи прозвучал голос перепела — большого мастера улепетывать от наблюдателя, запутывать его. О обманщик! Твои выкрики «спать пора» были, конечно же, не для нас: взбодренные утренней свежестью, мы уже не хотели останавливаться. На наших глазах уже трудилась пустельга, выпраядая крыльями одну из нитей для многоцветного летнего ковра.

С чем сравнить эти первые минуты после восхода солнца?! Они музыкальны, если даже не слышно ни одной птичьей песни. В это время и простецкая лужайка может показаться угол-

ком невидимого града Китежа, ели — теремами, а цветущее разнотравье — множеством таинственно воплощенных ангельских улыбок...

Перейдя с тракта на проселок, мы скоро вошли в лес. На верхних ветвях одной ели, свесившей зеленые шишки, похожие на часовые гирьки, разгуливала пеночка-теньковка. Как «тиканье» часов, доносилась ее песня: «Тинь-тень, тинь-тень...» «Время не ждет», — убеждала нас крошечная певунья. И мы ускорили свой шаг, ведь до цели оставалось совсем немного.

Лесной конек

С весны и почти до середины лета на опушках наших рощ, ельников и боров (да и в других местах) неутомимо трудятся лесные коньки. Их хлопоты начинаются ранним утром и заканчиваются поздно вечером, как работа у какого-нибудь сивки-трудяги.

В жаркий полдень, когда большинство птиц умолкает, коньки все еще старательно токуют. И мы, слыша их, радуемся, что лето еще не кончилось, что не все цветы уже процвели.

Усевшись на верхушке той или иной ели, конек начинает обычно свою песенку. Но как хочется ему быть не только услышанным, но и увиденным! И он совершает токовые перелеты: с дерева на дерево или на землю — и обратно. Стоит видеть, как старается при этом конек пошире распустить хвост и расправить крылья, которые в эти секунды едва-едва трепещут, а ноги повисают, как безжизненные прутки.

Вот он пролетел, немного прижав крылья к тельцу, а вот несколько поднял их над спиной. «Посмотрите, посмотрите на меня», — говорят все его движения, как у плясуньи, развернувшей цветастый платок и идущей по кругу.

И всё это под аккомпанемент азартного пения, заканчивающегося звучными слогами «сиа-сиа-сиа...» Даже «стукотня», напоминающая соловьиную, слышна в песне некоторых коньков.

С вершинок многих елей прозвучит мелодичная песенка конька. Некоторые из елей в новогоднее время попадут к нам на праздник. Тогда тот, кто очень любит природу, может опять услышать конька, вспомнив об этой птице.

Мой первый журавль

Однажды летом на берегу пруда меня застал дождь. Ни деревца, ни укрытия поблизости не нашлось. Рассчитывая на приятное продолжение прогулки после дождя, я быстро разделся и сложил одежду в непромокаемую сумку, приготовившись терпеть возле стены рогозов и холод, и все прочее, что несли надвигающиеся тучи.

И вот разверзлись хляби небесные (Быт. 7, 11), и был «глас грома Твоего в круге небесном» (Пс. 76, 19).

Уже первый натиск стихии заставил согнуться в три погибели. Прибежище мое оказалось наветренным, так что у меня и зуб на зуб не попадал. К тому же мелкие градинки сотнями иголок больно кололи спину. Так я провел около получаса, застыв в одной позе.

Наконец дождь кончился. Множество капель засверкало на моем теле в лучах выглянувшего солнца. Распрямляюсь во весь рост. И вот надо же! Огромная птица поднимается вверх в двадцати метрах от меня. «Да это же журавль! — восклицаю с восторгом. — Та самая птица, встречу с которой я относил к «прекрасному далеку».

Невысоко взлетев, журавль неспешно совершил круг над моей головой. Линия его тела, продленная вытянутой шеей и ногами, с пересекающей ее линией крыльев удивительно красиво создавали образ креста. Подобно многоцветной радуге, впервые украсившей небо после Всемирного потопа, как бы знаком примирения предстала передо мной эта птица.

Журавль устремился в направлении соседнего пруда, отдаленного тремя-четырьмя километрами. А я, не разбирая пути, пустился было за ним, хотя понимал, что совершаю бессмысленное...

Сетуя на жизненные тяготы, мы часто забываем о том, что только через них и можно увидеть своего «летающего журавля» как прообраз мира нездешнего, как напоминание о награде за смиренно перенесенные скорби. Так уместны ли сетования?!

Лебеди

Вчера было хмуро-пасмурно. Надежда на ближайшее прояснение казалась химерой — такими тяжелыми и неподвижными были нависшие мрачные тучи. Но нет, прошедшей ночью неожиданно-негаданно совершился перелом — и теперь ведро от края до края.

До обеда несколько малых облачков нежилось на лазурных небесных пажитях, как барашки на молодой траве. Сейчас же их не видать. А на голубой глади Уртминского пруда невесть откуда появились три лебедя-шипунa. Словно это были они, облачка, опустившиеся с ясного небосклона.

Такими редкими стали эти птицы, что принимаешь их при встрече за неземные создания.

Ветла

Июнь выдался особенно знойным. Солнце нещадно калило всё, что было открыто его лучам. Земля дышала жаром, как раскаленная каменка.

На ветле, растущей возле нашего дома, обнаружилось множество цикадок-пенниц. Огромные капли пены то и дело шлепались с ее ветвей на землю и на всякого под ветлой проходящего. Дерево стояло словно намыленное, точно разомлев от нахлынувшего пекла.

Но вот прошел ливень. И нам казалось, что не сыщешь листьев чище и блестящее, чем у ветлы.

Говорунчик

Жара нестерпимая. Кажется, впору бы разомлеть и неодушевленным предметам. А эта крохотная пичужка, славка-говорунчик, безудержно токует.

Вот он стремительно вылетел из куста и в мгновение ока выпалил очередь «слов» и «выражений» (такова его песня). А вот возбужденно тараторит, поместясь на ветке и вертя головой с причёской «под бобр».

Ах ты, бравый удалец! Скоротечна твоя песня, как лучшие дни — перволетье. Но ведь и ею ты скажешь больше, чем мы, неключимые в своем многословии.

Отнюдь не денежный интерес

«Посмотрит — рублем подарит» — выражение, знакомое всем. Но эта бабочка, червонец огненный, встретившаяся мне на влажном проселке, глянула еще большим «номиналом». Красно-оранжевые ее крылья были как откровение.

Сад-вдохновение

Здесь, за лесом, правильными рядами высажены яблони пригородного хозяйства. Среди плодовых деревьев нашли себе место и трехметровые березы-подростки. А между рядами сплошным потоком одинаковой ширины идет березовая малышня не выше метра, будто пары детей взялись за руки и движутся под присмотром старших. Но среди березок не слышно гомона: сосредоточенно и чинно они шествуют в направлении леса.

Объяснение будет простым: когда взрослые березы обильно рассыпали свои семена, землю между яблонями пропахали на определенную ширину. Так семена обрели благодатную почву, по которой и протянулись березовые «боскеты».

Рукотворный сад был украшен невидимой рукой, и творение это очень хорошо.

Песня реполова

Грозовой ливень со шквалистым ветром был позади. Отработанные мрачные тучи еще напоминали о непогоде. Однако в них уже росли прорехи, через которые виднелась как бы обновленная небесная лазурь. Занималась радуга. Деревья, утомленные сопротивлением стихии, молчали, опустив ветви. Выдались минуты целительной тишины.

Вот на ветхой околице поместился реполов: огляделся по сторонам и начал свою негромкую песню. Маленький певун, конечно, не покушался на тишину: он насыщал ее прозрачными красками, какими отличается мастерски выполненная акварель. Журчаще-свистящие куплеты его песни казались потому особенно приятными, что пел он «с листа», глядя на нотные строчки радуги.

Не от мира сего

*В грозные, знойные
Летние дни —
Белые, стройные
Те же они.*

В. С. Соловьев.

Вновь белые колокольчики

С раннего утра сеял и сеял дождь-бусенец. Закрытые чашечки колокольчиков пригнулись к земле. Но одно из этих растений, выросшее на самом краю луга, оказалось совсем не по-

хожим на другие: его чашечки были чисто-белыми. Думалось, что они сшиты из батиста тончайшей работы руками самой умелой мастерицы. К тому же они были распахнуты, подставляя себя под падающие капли. Вот существо не от мира сего.

Уже многие капли отяготили лепестки этого колокольчика — но он не склонялся...

Так и в человеческом обществе появляются люди, которые будут верны своему высокому предназначению, несмотря ни на какие трудности.

Ястреб

Затаивание в засаде, преследование жертвы и расправа над ней, часы мучительного голода — всё в жизни ястреба совершалось своим порядком.

Теперь же совершенно другое. Чередуя машущий полет с планирующим, ястреб неспешно воспаряет по спирали — все выше и выше. Он становится все менее заметным, точно растворяясь в небесной лазури. И вот он уже невидим.

Кажется, что это делается просто «для души». Ведь и птичьей твари дано хоть на минуту пренебречь прозой бренного существования.

Адмирал

С далекого Средиземноморья, следуя в направлении норд-ост, каждой весной добирается до наших краев эта бабочка.

Несмотря на долгий путь, на «мундире» адмирала ни пылинки, ни соринки. Горят на черном сукне красные лампасы, сверкают серебряные позументы.

Прокладывая курс в воздушном океане, адмирал спешит на побывку в заветный родной уголок. Вернее, возвращается навсегда: в конце лета к Средиземноморью отправятся его отпрыски. Вахта продолжится.

Он — любит

«Любит — не любит...» — гадала на календуле шестилетняя Катя. «Подальше пошлет», — объявила она, когда все лепестки были оборваны.

А этот шиповник, выросший под детской железной горкой, — любит, любит всех, кто на него глянет. Взойдя под самым концом горки, он вынужден стлаться по асфальту. И вот, распростертый, он выбросил свой единственный, но роскошный цветок...

Любить всех, жестоко бедствуя, — какой это великий подвиг!

Начинается новый день

Утренняя роса оказалась обильной. Отягченные влагой, почти не отвечают ветру листья плакучей березы, как не склонен к многословию тот, кто несет тяжелый груз.

В предыдущие дни стояла сухая жаркая погода. Исчезли лужицы и многие бочажки. Без утренних рос пришлось бы туго и птицам, и насекомым.

Вот на нашу березу прилетела шеврица, чтобы в кроне ее умастить влагой свои перья. Надо видеть, как встряхнет она с себя сонм сверкающих брызг — фейерверк восторга в начале летнего дня!

С думой о путях красоты

Уже в начале июля лето несет потери. Умолкают птицы, отцветают многие травы. Заканчивается и пора одуванчиков. Впрочем, не все со мной согласятся, видя на лугах и газонах все те же соцветья, красота которых нам никогда не надоест.

Но стоит присмотреться к «одуванчикам» середины июля: совершенно иные стебли. Кульбаба осенняя — так называется это растение, которое чуть ли не все принимают за одуванчик. Так и получается, что одуванчиков нет, но в нашем воображении они продолжают цвести, словно их «души» остались с нами.

Ничто действительно красивое и благое не уходит сразу — с исчезновением его вещного естества. Умирает человек, но отблески его добрых дел продолжают сиять на просветленных лицах тех, кого он облагодетельствовал. В этом помещении нас уже нет, но тепло наше здесь еще остается. Эта картина исчезла, но ее красивый образ все еще, по формуле Платона, вызывает наши красивые поступки. Солнце уже за горизонтом, но красивые закатные всполохи все еще догорают...

Пути красоты непостижимы. Да, она уходит, но не с тем ли, чтобы опять возвратиться?

Птицы и дети

Довольством и умиротворением дышит июльская ночь. Азартного пения малиновки уже не слышать. Но изредка, на миг-другой, словно сквозь сон, она подает свой голос, придавая осмысленность ночной тишине. Так, бывает, промолвит что-то спящий ребенок и снова предается сладостному сну.

Фейга (что значит птичка) — так назвал свою звонкоголосую дочку пермский раввин. Птицы и дети — для иных это две стороны одного поэтического образа. О «щеглятах-детях» пишет в одном из своих стихов Пабло Неруда. Стихия птиц — небо, принадлежность детей — Небесное Царство (Мф. 19, 14). И те и другие очень легки. Летают во сне дети, и неустанно реют над ними птицы.

Плакун-трава

По народному преданию, трава эта выросла впервые там, где упали на землю слезы Богородицы.

Любящая всех Богоматерь снискала огромную ответную любовь. И травы склонялись к Ее ногам, и цветы пригибались к земле, когда Она скорбела о Сыне. И поныне в предненастное время появляются слезинки на листьях плакун-травы, ведь нет конца состраданию.

Любоваться плакун-травой, растущей в низинах, мне особенно нравится ранним утром, когда, как дым курений фимиاما, клубится туман и исключительно легко дышится. В эту пору стебли плакун-травы, густо покрытые в верхней части пурпурно-малиновыми цветами, — небольшими, но необычайно красивыми, — кажутся похожими на роскошные пасхальные свечи, символизирующие победу над страданиями и скорбью.

На войне как на войне

Очень необычный вид имеет эта городская береза. На небольшой высоте ее ствол вдруг превращается в три раскинутые в стороны мощные ветви, каждая из которых — как ствол. Болезненный вид имеют ветви-стволы: они словно застыли в мучительных корчах. Очевидно, у этой березы отломили верх в начале ее роста, и, защищаясь, она так убедительно обезопасила себя.

Недалеко от березы посажены голубые ели (ель колючая — так именуют этот вид ученые). Одну из елей плотным кольцом обступил тысячелистник; и теперь его белые щитки красиво сочетаются с дымчато-голубыми побегами ели. Колючей является именно голубая хвоя. Если хотите, ель защищается — в первую очередь от человека. И прозванный солдатской травой тысячелистник кажется здесь не лишним. Что ж, на войне как на войне.

С благодарностью к мальве

Выше норм, обозначенных справочниками, вымахала та мальва. Ярко горят ее многочисленные крупные розово-фиолетовые цветы. Среди трех юных лиственниц вся она, двухметровая, как неопалимая купина.словно круг отраженного света, обильно рассыпанные под ней лепестки. Нет конца любителям нектара: у мальвы большой прием. Присматриваюсь к одной из пчел: вся «по уши» в цветочной пыльце. «Здесь не тратят времени зря», — говорю в восхищении и заглядываюсь на мальву, видя, как, увлеченные ветром, трепещут ее лепестки. С тонкими прожилками, с очерком сложенных крыльев пчелы, напоминают они о возможном полете — том самом порыве души, свободной от забот и печалей.

О мальва! Ты мое утешение.

Ищу откровений в природе

Сразу несколько растений с названием «латук» повстречалось мне на откосе пешеходной дорожки. Заметно выше и раскистнее было то из них, что выросло в трещине бетонной отмостки, — на самом неудобном месте. Нельзя было не заметить, что цветом своим тот латук сочетался с бетоном: и серо-голубыми цветами, и серо-зелеными листьями. Несмотря на очевидное неудобство, латук вполне процветал. Тогда как хилыми и невзрачными смотрелись на земляном откосе его собратья.

Да, именно так: в преодолении трудностей крепнут и украшаются натуры. Именно через страдания пролегает путь к красоте — высокой и светоносной.

Вот и сегодня вечером латук навел меня на раздумья, когда венчики его закрылись на ночь. Если б душа человеческая была закрытой для тьмы!

Множество откровений содержит природа. Умудриться хотя бы от лилий призывает нас Спаситель: «Посмотрите на лилии, как они растут...» (Лк. 12, 27).

Ввысь, в небесные дали!

Взглянул при выходе из тоннеля на каменную облицовку земляных откосов — разные растения тянулись к небу из межблоковых швов, размытых дождями и скопивших малость «земного праха». Примерно 80-градусный наклон имеют откосы, но многие растения поднимались почти вертикально, неестественно отгибаясь от своих корней и касаясь камней при росте. Казалось бы, им не до неба — только бы выжить. Но нет. Если бы человек так вождедел «небесного отечества»!

Не только при росте являют деревья и травы тяготение ввысь. Посмотрите, к примеру, на простой гладиолус: сначала распускаются нижние бутоны, затем — все выше и выше. Так и деревья по осени желтеть начинают снизу. Восхождение в небесные дали нельзя не видеть в этом.

Грезы о конях

«Где ж вы, кони наши огнегривые?» — промолвишь иногда с тоской, видя, как по улице неспешно и уныло пройдет какая-нибудь запряженная в телегу клячонка. И сердце вдруг защежит, точно отняли что-то привычное и дорогое. Но привычное ли? Два-три сенокоса да уборка картофеля, когда мне доводилось управлять лошадьми, — разве это много? И все-таки...

И вряд ли нам по-настоящему понять, какие нежные чувства испытывают к лошадям старики, чье детство и юность прошли рядом с каурками и саврасками. Никогда не забуду задушевных слов, сказанных на похоронах моего восьмидесятичетырехлетнего дедушки его сверстницей: «Как хорошо, Алексей Николаевич, что именно на лошадке тебя отправляют в последний путь».

Немало еще чистых стариковских душ, что воспитаны в благоговейном отношении к освященному веками опыту предков. Нам ли отречься от этого опыта! И в наших жилах течет кровь крестьян-хлеборобов, хоть и владевших чаще за-

урядными лошадьми, но ценивших красивые стати этих животных, как и все прекрасное.

Поэтому не удивляюсь, когда неожиданно, на грибной охоте, мне захочется сравнить крепыша-боровика с владимирским тяжеловозом, или стайка опять покажется табунком соловых рысачков, или в ядреном красноголовике обнаружу несомненные черты гнедого ахалтекинца...

Да и многое другое нагрезит порой добрая отеческая старина, дух которой еще не совсем истощился.

О чем напомнил шмель

Сгорает лето — в лучах палящего солнца, в жарком стрекотании кузнечиков. Не умолкает монотонная, усыпляющая песнь, под звуки которой покорно вянут травы, светлеют нивы. Праздник красок, громкие свадьбы птиц уже позади. Природа объята смирением: всюду разливается тихая эта мелодия.

Едва слышен шмель, прилетевший на жимолость. Рядом огромная клумба с множеством крупных цветов, но растущая в тени жимолость шмелю сейчас дороже всего. Как ловко управляется он с ее мельчайшими цветами, опыляя каждый из них. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф. 18, 10), — напомнил мне шмель.

Вокруг «настурций»

Оранжевые листья белокрыльника, горя среди зеленых, были на середине пруда, как цветы настурций. Желтыми свечами застыли на берегу стебли цветущего коровяка. Тишина и покой опустились на пруд. Покорная готовность слушать осень ощущалась повсюду. Каплями слез застыла смола на ветках старой ели. И куда, как не к этому пруду, придет взгрустнуть васнецовская Аленушка!

Медленный хоровод вели на берегу плакучие березы. И впору было вспомнить «Танец вокруг настурций» Анри Матисса. Но не было той удали, что есть в картине, в танце берез: то был прощальный танец. Осень уже не за горами. Молодые березки в соседней ложбине уже примеривали желтые мониста. Однако молодежь везде одинакова. Юные можжевельники, пихты, ели на берегу пруда — все в светлом крапе березовых семян, развешанных на нитях невидимой паутины. Осо-

бенно хороши пушистые лапки пихты: здесь были бы излишни и поднизи «бурмицких зерен». По ковру травы-муравы хвойные деревца разбредались по березовой роще. Как и березки в ложбине, они не грустили, слушая, как вдали светлые детские голоса перекликались с флейтовым криком иволги.

Перейдя через взгорок, увидел и детей. «Маня, Маня...» — кричала босоногая девчонка в легком платьице, спеша за бегущей козой. И юные деревца, и босоногая девчонка — всё обещало будущую жизнь.

Предосеннее настроение

С десяток воробьев сыпануло на высокую полынь. Та мигом склонилась, коснувшись вершиной земли, — повалились на землю воробышки: один, другой, третий... Так падают на землю созревшие яблоки.

Полновесный август — будто растет в эту пору тяга к земле. Уже не редкость опавшие листья. Клонятся долу тяжелые колосья. Земля поглощает лето, как принимает в себя тепло.

В конце месяца вдруг нахлынула жара — под тридцать. Обилие тепла, обилие плодов. Но сердце не обманешь: предчувствием осенней грусти уже наполнено оно.

Четыре трясогузки встретились мне на пустыре. Обычно шумливые, теперь эти птицы молчали, хотя перелетали с места на место. И не могло не почудиться, что призрак осени уже появился.

ВНОВЬ КРАСОТА, ПЛЕНЯЯ, ТОРЖЕСТВУЕТ

Желтые георгины

Еще не заосенилось, но в палисаднике уже разливается осенняя мелодия — там, где сгрудились желтые георгины, увенчанные самородками лепестков. Сдается мне, что мелодия эта не только разносит безотчетную грусть, но временами настолько меняется, что звучит молодяще и возбужденно-радостно.

Других цветов в палисаднике нет — одни сусветные георгины. Но как чудно! Каждый из них неугомонно речист и оригинален.

Одни георгины посмеиваются над сиротливо стоящим в уголке подсолнухом, растерявшим половину своих и без того немногочисленных лепестков. Другие же спорят, кто из них скопил больше «солнечного богатства». А те, что стоят вскрай цветочной гурьбы, подле штакетника, перегнув свой стан через его верхнюю слегу, всматриваются в дворовую траву-мураву, будто рассуждая, каково придется их семенам, если они упадут за родные пределы.

Музыка любви

Малозаметный весной и летом, бересклет бородавчатый очень красив и интересен в осеннюю пору. Ради него одного стоит сходить в лес в конце сентября, чтобы полюбоваться полыхающими листьями этого кустарника, а особенно его оранжевыми «черноглазыми» плодами (семенами с придатками), свисающими на тоненьких нитях из темно-розовых коробочек, в которых и созрели эти плоды.

Велико удовольствие задержаться около бересклета, «озвученного» такими яркими красками, и послушать тихую

музыку, льющуюся для каждого остановившегося здесь и сумевшего на минуту-другую забыть все свои заботы и печали.

Не напомним ли эта музыка о любви родителей к своим повзрослевшим детям, зримым образом которой для меня являются осенние украшения бересклета?

Кто она, «разноцветная птица»?

Посмотрите, как по-щегольски одет щегол. Красный, черный, белый, светло-коричневый — это всё цвета его оперения.

«Разноцветная птица», упоминаемая в книге пророка Иеремии (гл. 12, ст. 9), в моем представлении — наш красавец щегол.

Впечатление

В ложине на нескольких черемухах с багровеющими листьями разместилось множество щебечущих щеглов, хор которых был слышен издалека.

Вспоминались собрания-концерты воробьев. Но если у воробьев пение а капелла, то здесь приятные дискантовые голоса щеглов звучали под аккомпанемент: усердно «пинькали» зяблики, прилежно играла на ксилофоне зеленушка, старательно дул в свою дудочку снегирь.

«Постою здесь подольше, наслушаюсь вволю этих музыкантов», — решил я, когда над черемухами, плеща крыльями, пролетела стайка спешащих к югу горлинок.

Щеглы и одуванчики

Бывает, зимой на каком-нибудь заснеженном пустыре с негромким пением, напоминающим звучание самых маленьких серебряных колокольчиков, рассядется по репейникам стайка щеглов. Тогда яркие желтые полосы на их крыльях напомнят мне об одном из самых распространенных наших растений — одуванчике.

Пройдет время, и весной щеглов можно будет увидеть уже среди самих одуванчиков. Наблюдая за этим, станешь свидетелем как бы апофеоза желтоцветных растений: одуванчи-

ки вместе со щеглами будут не только колебаться в объятиях задорного ветерка, но и порхать, хлопотать и, конечно же, петь.

Зимние чары

Утро было туманным, но к обеду все небо уже дышало чистой лазурью.

Освещенные ярким солнцем деревья в изморози напоминали о девушках в белых парчовых сарафанах. Сказочными кораллами казались в воздушном океане заиндевелые ветви.

Снежинки, образующие изморозь, медленно падали, искрясь на солнце. Так ткались под деревьями пушистые коврики, на которых и стояли «девушки». «Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103, 24).

Затеи мастерицы зимы

На простые эти тополя, вольно растущие на вершине увала, за которым не видишь ничего, кроме неба, люблю смотреть до рези в глазах в ясную морозную погоду, когда они покрыты инеем, — смотреть, как на превыспренних голубых атласах вышивает по канве ветвей мастерица зима.

Она же отменно отбеливает земные холсты, а затем покрывает их ажурной строчкой — следами зверей и птиц. Или, забавляясь, украшает небесный свод земной палаты: то проведет горстью кистей, изображая радужные столбы, то преобразит поднебесье диковинными лессировками — перистыми облаками, то бросит ввысь пригоршню яснокрылых пуночек — и полетят они днем, а ночью починут тихоструйными звездами.

Дыхание Севера

Что за птицы прилетают к нам в холодное время года! Некоторые из них, как дети матушки-зимы.

Снежными вихрями проносятся над полями стаи пуночек. Со «снежком» на хвосте показывается мохноногий канюк. «Снег» на надхвостье у вьюрка, на крыльях у белокрылого клеста. А полярные совы — словно заправские снеговики.

Похожие в полете на кусочки кухты, опускаются на ветви ольхи и березы пепельные чечетки. Напоминая снежный ком, бежит по лесной опушке белая куропатка.

Очень холодно стало на Севере. Спешат подальше от стужи лапландские подорожники, летят, спасаясь от холода, овсянки-крошки. Ну а добрый молодец щур лишь порозовел, разругиваясь от мороза. Наша зима ему и вовсе нипочем.

Радужные верени

Перед Крещением повернуло на холод. Установились ясные морозные дни.

Сегодня, в первые часы после восхода солнца, небо было затянуто легкой дымкой, образованной взвешенными в воздухе мельчайшими кристаллами. Спустившись в лог за ключевой водой, я заметил в некотором отдалении, на обеих сторонах лога, два диковинных радужных столба — гало, каждый из которых поднимался будто возле самого обрыва.

Столбы чудились верями гигантских ворот, которые были распахнуты, открывая взору сияющее между столбами лучезарное солнце, с удовольствием смотревшее и на убранные кружевной изморозью лозники, и на рассыпанные на снегу «адаманты».

Крещенская ночь

Изрядная стынь. Перед самой полночью спешу по узенькой тропинке на ключ. Во множество свечей светит полная луна. Света в ней столько, что она будто брызжет им, рассыпая по небосводу звездочки-брызги. Воздух удивительно гулок: не за одну сотню метров слышны поскрипы снега под ногами. И кажется, что далекий прохожий идет почти рядом с тобой, и звезды чудятся не частицами иных миров, а принадлежностью твоего собственного мира, в котором ветви задумчивых кустарников изящно чернят серебро снегов.

Вблизи источника я чуток задержался. Через «оконную раму», образованную ветвями тополя, луна как-то особенно любовно смотрела на заснеженную землю. Так глядит в окошко добрая старушка на играющих возле дома внучат.

Вспомнился исключительный по красоте прошедший день, в который медленно сыпались на всё тончайшие блест-

ки, мельтешили, порхали, искрясь и радужно вспыхивая на солнце.

В такую ночь не нужно было долго взирать на луну, чтобы почудилось: на эти дневные блески рассыпалась луна предыдущей ночи, дабы народиться заново в ночь последующую. И почудилось это единственно для понимания жертвенности и вечности настоящей любви.

Зимний родник

В течение четырехдневной оттепели большая наледь, возникшая под струей нашего родника, сильно сдала. Образовалось нечто наподобие кратера с отверстием шириной в полметра. И вот — на мирскую потребу — какой-то добрый человек положил на дно «кратера», в качестве подставки, небольшую дощечку — прямо под струю, поднятую деревянным желобом.

Наделенными волшебной силой показались брызги родниковой воды, когда я увидел, чторосло в морозные дни на внутренние стенки «кратера». Дивные гроздья окатистых ясных ледышек величиной с виноградную ягоду перемежались с друзьями невиданных кристаллов, с прелестными ледяными цветами, которыми восхитился бы и чародейный Данила-мастер. Это был крошечный «грот горного хрусталя».

Чудо совершалось на моих глазах: подрастали ершистые ледяные кактусы, вызревали ледяные ягоды, развешивались хрустальные ожерелья...

Признаюсь, я не разглядел тогда все это богатство: ведь мы, люди, можем вместить в себя не так уж и много прекрасно-го, — но зато получил наглядное представление о том, насколько красивый след может оставить даже небольшое доброе дело.

На свадьбе у клеста

Любо-дорого положить подчас взгляд на снег, убранный синими тенями. Любуясь таковым на лесной полянке, в пору свадеб клестов, можешь заметить на нем и посыпанные кое-где семена ели. Скромно угощеньице — да больно хороша скатерка. А если услышал песенку клеста, то считай, что побывал и на свадьбе, где охотно пьется хмелящий морозный воздух вместе с играющими в нем мелкими искорками-звездочками, а солнечные лучи — как струны множества балалаек, на коих поигрывает подгулявший ветерок.

Верба

Это она, верба, на восходе снежной весны первой среди ив проявляет признаки жизни, принося всем ждущим тепла дополнительное утешение.

Если подуют студеные ветры, посмотри на покрытые сежечками ее темно-красные лозы — исчезнут все твои вздохи и сетования: вот-вот начнутся весенние торжества — верба уже украсилась дивными поднизями из бурмицких зерен и ждет начала праздника, как в старые времена ожидала венчания девушка...

Проходят установленные дни — наступает срок цветения. Верба с тычиночными цветами — как зажженное позолоченное паникадило. Вот и пчелы прилетели к ней за первым взятком. Их гудение — словно свадебная многоголосица: верба вступила в брачную пору.

Но те веточки вербы, которые вы заложили за образ в Вербное воскресенье, так и останутся навсегда невестными.

Зеленушки и скворец

Еще вчера, в разгар снежной весны, сидящие на тополе зеленушки оглашали округу своими звучными голосами. Наступил их час. Казалось, что каждая веточка и былинка, купаясь в лучах яркого солнца, внимала только им.

А сегодня прилетел скворец и, разместясь на том же тополе, запел. Зеленушки как-то присмирели, лишь изредка подавая голос. Они слушали восторженную песнь скворца: о странах, где он побывал, о поющих там песнях и, конечно, о том, что нет ничего лучше Родины.

В родной земле корням теплее

Снегу еще таять да таять. Прогалинки виднеются лишь кое-где на наклонных местах. Эти «угодя» мало-помалу ширятся и удлиняются. Но не исключены и зазимки, которые в считанные часы могут возратить местности скучное зимнее однообразие.

Однако, не боясь вешних холодов, наши первые прилетные птицы уже вернулись в родные края. Конечно, они тяготеют к этим прогалинкам.

На одной повстречаешь скворца, торопливо собирающего корм. Над другой ликует и торжествует поющий жаворонок. А поблизости радостно вьется кричащий чибис, точно опьяненный «дымом отечества».

Родина мила им и в суровом обличье. Чтобы достичь этого невзрачного лоскутка заветной земли, они преодолели огромные пространства, пролетая и над цветущими садами. Какая завидная верность отечеству!

Всем сестрам по серьгам

Когда ива на берегу нашей реки украсилась по весне своими «пушистиками», то вроде бы сирыми и обиженными казались растущие чуть поодаль черемухи и березки. Но недолго длилась эта «несправедливость». Прошел моросящий дождик — и вот на каждой веточке сверкают чистейшие капельки-сережки. Даже прошлогодний репейник — что за сокровище! — и тот теперь при серьгах...

Так и Премудрость проливается на всех, невзирая на лица, но не всякий, однако, ее принимает.

Белотал и краснотал

Подле зарослей белотала нашел себе место и красноталовый куст, несколько лоз которого по случаю начала весны были украшены сережками. Голые прутья соседнего с кустом тальника, который выбрасывает свои сережки после распускания листьев, напоминали толпу восхищенных людей, собравшихся посмотреть на воплощенную красоту.

Спустя некоторое время зацвел и белотал, как будто в этом сообществе растений произошел выраженный Платоном переход от красивого образа к красивой жизни.

Подснежники

На солнечном склоне пригорка, недавно освободившегося от снега, разостлался небольшой зеленый коврик: это приготавлилась к цветению ветреница лютиковая. Растения поднялись близко друг от друга, соприкасаясь листьями, словно это необходимо для спасения от заморозков.

В предшествующие годы куртинка ветреницы располагалась в тех же пределах, как будто растение не решалось шагнуть в сторону, опасаясь собирателей букетов.

Вскрай ватаги ветреницы лютиковой я обнаружил цветущую ветреницу алтайскую — обладательницу белых лепестков, что напомнила ясельную нянечку, заботливо пестующую совсем еще зеленую малышню.

А на другой день, когда у ветреницы лютиковой показались желтые бутоны, «нянечку» захотелось сравнить с хлопотливой наседкой из породы леггорнов, сопровождаемой своими многочисленными отпрысками.

Белая трясогузка

Лишь только наполнятся сладковатой живительной влагой жилы пробуждающихся берез, а большие и малые льдины начнут неудержимо двигаться по бурлящим рекам, так уже слышится возбужденный крик и радостный визг белых трясогузок.

Они сразу становятся едва ли не самыми заметными птицами, прилетая в пору весеннего «переполоха», — вскоре после того дня, в который в старые добрые времена ликующая детвора, с выпеченными из теста жаворонками, высыпала «на волю», чтобы зазывать весну.

Звонкое трясогузкино «цивит-цивит...» — прекрасное звуковое дополнение к журчанию ручьев и клокотанию речных стремнин. Слушая ее голос, лучше воспринимаешь и блистание внешних вод, в которые вплетены лучи улыбающегося солнца.

А какой неистощимой энергией полны эти неугомонные птицы! Вот, в сообществе собратьев «по перу», трясогузка гонится за ястребом, и «цивит-цивит...» звучит как боевой клич. А вот, отвлекаясь от своих бесчисленных забот, изменив направление полета, она опускается в нескольких метрах от вас и пристально, с любопытством осматривает вашу фигуру, не забывая помахивать своим длинным хвостом. При этом трясогузка издает те же самые звуки, но вы воспринимаете их уже по-другому: кажется, это вопрос: «А куда ты идешь?», который задает дитя с присущей ему непосредственностью.

Вы делаете пару шагов ей навстречу — трясогузка отбегает, стремительно перебирая ножками. И вновь звучит ее громкое восклицание. А в нем так много чувств!

Неудержим весенний «переполох»: все поет и играет.

Широконоска

Конец апреля. Прогуливаюсь за городом, где есть чем любоваться. Вот надо мной «дала кругалья» необычная утка с клювом, напоминающим ложку, и стала летать в небольшом отдалении. «Есть кому похлебать наших весенних «киселей», — развлек я себя этой шуткой и всмотрелся в утку пристальнее. «Нет, не клюв ее главное отличие», — подумал я, заметив обилие белых перьев в оперении утки. «Конечно, конечно!» — воскликнул я пару мгновений позднее, когда, опускаясь на поверхность озера, широконоска свесила свои лапки. Просвечиваемые солнцем, они вспыхнули ярко-оранжевым цветом. Вспомнились тут и садовые лилии, и ноготки, и, наконец, тонколепестковые оранжевые цветы бессмертника-сухоцветника. И в глубине моей души начал заниматься напев: «Если б навеки так было...» — из того самого произведения, что так проникновенно исполнял Шаляпин.

Желтоголовые трясогузки

Когда прилетели эти птицы, цветение мать-и-мачехи было уже в полном разгаре. На берегу бочажка, где собирали корм трясогузки, цветов выросло особенно много.

У желтоголовой трясогузки серая спинка и светло-желтый низ оперенья, поэтому издали заметна разве что голова — так же окрашенная, как и цветок мать-и-мачехи, и равная ему по размеру.

С прилетом этих трясогузок цветов возле бочажка стало как будто еще больше.

Сначала я наблюдал за трясогузками вблизи, а затем несколько отошел и пристально глядел. Если «цветок» двигался, я заключал, что это трясогузка.

Во время наблюдения случайно обратил взор на растущую поблизости вербу, из каждой сережки которой торчало множество желтых тычинок. Увлечшись игрой, я посмотрел на нее внимательно. Но ни одна сережка не двигалась. Все правильно, объяснил тут же себе: трясогузки не любят садиться на деревья.

Мать-и-мачеха

В конце апреля уже отправляются на поиски нектара шмели. Становятся активными бабочки: повсюду летают крапив-

ницы и лимонницы, изредка встречаются павлиний глаз и голубянка. Начинается лет пчел и разных букашек.

Цветущая мать-и-мачеха в это время почти единственный источник пищи для многих любителей нектара. Стало быть, по отношению к ним она — исключительно матушка-кормилица.

Стремясь к служению красоте

Зацветает яблоня. Рядом с бутонами — уже распустившиеся цветы. Задержу свой взгляд на бутонах. Розовые, с белым исподом, они дивно как хороши! Не лучше ли белых раскрытых венчиков? Бутоны — как обещание, цветы же — как обладание или результат. В обещании — поэзия, в обладании — утилитарность. Одного лишь служения ждет красота; обладание ею — начало разлада.

Медуница

Растение это обладает удивительным свойством: его цветы со временем меняют свою окраску. Сначала они розовые, затем фиолетовые и, наконец, голубые. Словно три возраста следуют один за другим: молодость, зрелость и старость. Цветы эти красивы в любую свою пору, как полновесны и хороши все возрасты человека.

Вспоминая о медунице, хочется думать о тех людях, что «цветут во дворах Бога нашего» (Пс. 91, 14), — о тех, которые «и в старости плодовиты, сочны и свежи» (Пс. 91, 15).

Чечевица и шиповник

Как только представляется случай, всегда любуюсь карминными чечевицами-самцами. Если встречаю их в траве, то сравниваю с роскошными красными маками. Видя их на молодых осинках около лесной опушки, восторгаюсь созвучием окраса чечевицы с красноватыми листьями деревца.

Но по-настоящему открылась мне красота этой птицы, когда увидел ее сидящей на кусте цветущего шиповника. Лавина впечатлений обрушилась тут на меня. Совсем другим, изысканным языком восклицали о своей прелести дикие розы.

А чечевица как бы осветилась дивным светом. Прозвучал прекрасный аккорд майской природы. Красота птицы и красота растения были бездонными и взаимодействовали, и уместно было сказать: «Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим, я восхищаюсь делами рук Твоих» (Пс. 91, 5).

Варакушки

Был Троицын день, солнечный и теплый. Расположившись на берегу пруда, я чувствовал себя счастливее кого бы то ни было.

Елочки, высотой с журавля, тянули здесь друг к другу свои ярко-зеленые лапки. Там, где они обступили куртинки цветущей земляники, казалось, водились медленные хороводы.

Красоту хорошо знакомого берега я находил необычной, точно был он украшен деревцами именно в Троицын день, когда благолепие православных храмов умножают молодые березки.

В одном уголке этого «сада» токовали варакушки, совершая перелеты с одной елочной вершины на другую и лишь на мгновения прекращая свое восхитительное пение.

В конце такого перелета каждая варакушка планировала, расправив крылья и распустив веером хвост, так что можно было пересчитать перышки, которые трепетали, — наверное, так быстро, как билось варакушкино сердце, полное любовного упоения.

Варакушки садились рядом со мной: были видны их черненькие глаза, говорившие о любовном угаре, сделавшем птиц неосторожными. Как шелковые, блестели на солнце их голубые «манишки» с рыжеватым пятном посередине у одних и с белым — у других. А елочные вершины казались похожими на шпили сказочных теремов. И на новогодних торжествах я не видел ели наряднее той, что собою украшает сидящая на ней варакушка.

Я замер от восторга и лишь внутри себя восклицал: «Вот рыжезвездная, а вот белозвездная!.. Да-а! Сегодня и их табельный день».

Не только мне одному представилось такое прелестное зрелище. В минуты эти замирали сердца у варакушек-самочек, сидящих в травянистых ложах и амфитеатрах.

Насколько прекрасен эдемский сад, если даже берег давно знакомого пруда может приносить такую радость!

Из двух горлышек

Рыжее пятно на груди варакушки северного подвида во время пения то сужается, то принимает обычные очертания — в такт движениям раскрытого клюва. Пятно это окрашено примерно так же, как полость варакушкиного рта. Так что глядящему на поющую варакушку, песнь которой красива, богата и длинна, может показаться, что она льется из двух горлышек.

В разгар перволетья

Торжественно и величаво поднимается солнце, но будто все ближе и ближе оказывается к земле — раскаленное и ослепительно яркое.

И вот все затрепетало, распахнулось, заговорило ярчайшими цветами и красивейшими звуками.

Перейдя по узкому мосточку через речку Чернушку, выхожу на петляющую тропинку, которая сначала тяготеет к речке, а затем теряется в луговой дали.

Справа от меня, среди кустов смородины, ярится токующая варакушка. Не удивляюсь, что, перелетая с куста на куст, полная страсти, она опускается почти рядом со мной — на расстоянии вытянутой руки. Час высшего самовыражения наступил в природе, все остальное стало второстепенным.

Вблизи от варакушки, среди ивовых ветвей, показалось тельце еще одной птицы — сверчка. Как двигатель в работе, дрожат его грудка и зоб: ярый поклонник своей незаметной подружки, не устает опевать он это притоманное для него место, эти заросли приречных растений, под яркими листьями которых начнется жизнь его птенцов.

А как дивен луг! Он — словно ярмарка красок, где за любовь к творению находишь для души своей богатства, не снившиеся и Крезу.

Высший час! Разгар перволетья.

Там, где рождается сказка

Бежит, торопится река Пижма — красавица Вятского края. Конечно, не секрет, где заканчивается ее течение, но кажется почему-то, что в неведомую прекрасную даль катятся ее волны.

Вот и сейчас думаю об этом, глядя, как играют, кувыркаются на поверхности воды солнечные блики. Подобны им сладостные песни дубровников, «взблескивающие» то в одном, то в другом ивовом кусте. «Хили-тили, хили-тили...» — раздается за моей спиной. «Хили-тили, хили-тили...» — подхвачено в другой стороне. И нет конца этой перекличке.

На секунду-другую отвлечешься громким всплеском: то «плавится» язь, горя золотом чешуи, и опять уходит в глубину, где он несомненный князь. И снова тебя пленяют многочисленные дубровники. Будто звуковую завесу образуют чародейные эти певцы, за которой плохо слышны и громкоголосые соловьи. Лучшего аккомпанемента мыслям трудно представить. Временами он кажется даже разнообразностью тишины — целительной, доброй.

Но чу! Чей-то крик доносится с вышины: это кулик-сорока точно дозором облетает окрестности гнездового луга. Следует надо мной, затем улетает по-над противоположным обрывистым берегом, который, со своими отметинами уровня воды, кажется в лучах жаркого солнца хорошо пропеченным бисквитом. Кулик скрывается за старицей. Там, недалеко от воды, шевелятся на ветру длинные листья касатиков, рождая едва уловимый шепот. Но более речисты «языки» крупных синих цветов касатика. О многом они говорят: о красоте белоснежных кувшинок, о крике цапли на соседнем болоте, о восторге токующего бекаса, о лугах, что пьянят, как зелено вино.

Вальс цветов

Ранним перволетьем, когда зажигает свои синие свечи живучка и ярко-желтые — зеленчук, наша березовая роща особенно привлекательна. Полагаю, что свой знаменитый «Вальс цветов» Чайковский написал под большим впечатлением от подобных уголков России.

Смотрите: вероники, незабудки, звездчатки уже начали очередной тур вальса. На фоне нежно-зеленых ковров особенно заметны белые бальные платья звездчаток. Там, где они танцуют, белым-бело. А вот вы увидели голубое облачко. Это незабудки. Их костюмы украшены ярко-желтыми бантами цвета созревшей пшеницы. На большем отдалении друг от друга кружатся пары вероник.

«Ангажируйте, ангажируйте...» — призывает сияющее солнце. Без перерывов звучит оркестр, где на флейте играет иволга, на фаготе — шмель, на ударных — дятел. То там, то здесь угощают вкуснейшим нектаром. Праздник продолжается.

И к речке, и к лужице

На другой день после ливня накатился вал знойного воздуха. Жарко и душно стало в лесу: повсюду испарения хвои, как в парильне, где заварили пихтовые веники. Соцветия других запахов точно завяли.

Из-под сомкнутых крон деревьев летит на травянистое ложе «раскаленный докрасна» снегирь и катится к небольшой лужице, что на лесной полянке. Мгновение — и снегирь уже усердным купальщиком плещется в «закипающей» воде.

Над моей головой тяжелые ветви ели, которая будто с трудом их удерживает. На верхних ветвях — похожие на гирьки зеленые шишки. Вот одна из них стремительно летит вниз. Но нет: это чижик, пожелавший испить водицы из лужицы.

Умолкли голоса лесных оркестрантов. Только неумоимо гудел фаготом шмель. Жара томила меня, и я быстро направился к лесной речке, чтобы освежиться. Но, не дойдя до нее около десяти метров, увидел из-за кустарников зашедшего «по пояс» в речную воду первогодка большого пестрого дятла, не кричащего, как обычно, а притихшего и сосредоточенного. «Вылезай, глупыш,— утонешь: речка глубокая», — не смог сдержать я себя. Дятел услышал — и улетел. Он уже проторил дорожку к речке, подумал я, и тут неожиданно вспомнил строчку из «Слова о полку Игореве»: «Дятлы стуком путь к реке кажут».

Манжетка

Если летом мне захочется вдруг доставить себе чистую, как глоток родниковой воды, радость, то я встаю пораньше солнечным росистым утром, отправляюсь по знакомой тропинке на ближайшую луговину и среди благоуханного разнотравья отыскиваю на освещенном месте стайку самых обыкновенных

манжеток, приземистых, с разлапистыми листьями, ресниччатыми по краям, где между «ресничками» в утреннюю пору образуются капельки росы. И среди дюжины манжеток найдется украшенная росинками такой величины, что все растение, сверкая, словно поплывет пред тобою, как корабль под разноцветными парусами.

Тогда завороженно опускаюсь на колени во влажную траву и шепчу давно известные слова: «О светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси...»

Обитель красоты и благоухания

Среди «дремучего» разнотравья, на лесной опушке, те шесть любок двулистных образовали как бы маленький скит — обитель красоты и благоухания. Сладковато-нежный аромат витал между растениями. Точно для венка Невестной Невесты предназначались их стебли, покрытые белыми изящными лепестками. Хороши были и пары листьев. Простираясь в противоположных направлениях, кожистые и блестящие, они казались ладонями, обтянутыми первостатейной лайкой.

Листья соседних растений доверительно касались друг друга, будто взялись за руки все насельницы обители, чтобы сообща отстоять красоту своего крошечного мира.

Барашки

В июне, когда дни длинны и ночное небо не зияет страшной бездной, а тихо льет на землю мягкий полумрак, подсвечиваемый зорями, цветут обаятельные растения — барашки (они же раковые шейки).

На конце прочного стебля барашка множество мелких цветков, образующих пышные султаны, которые выглядят очень пушистыми из-за обилия торчащих из цветков длинных тычинок, колеблемых даже слабым движением воздуха.

Розовые лепестки барашков, в сочетании с белыми тычинками, делают растение очень нарядным и привлекательным. Встречая в очередной раз среди строк Псалмопевца слова: «Луга одеваются стадами» (Пс. 64, 14), — представляю себе тучные пажити со множеством цветущих барашков.

Лилия

*Посмотрите на полевые лилии...
говорю вам, что и Соломон во всей
славе своей не одевался так же, как
всякая из них.*

(Мф. 6, 28—29)

Простой была ваза, и в ней помещался только один цветок — лилия. Окруженный веточками спаржи, кудреватый, он сладко спал, погружившись кончиками лепестков в зеленую дымку. Не так ли покоится на небесном облачке прекрасный и дивный Ангел?

Пеночка-капелька

Если ранним летом вы попадете под дождь в лесу, то не огорчайтесь. Когда занавес из дождевых облаков начнет двигаться и обновится лицо земли, вы по-особому услышите, как будет капать с деревьев влага.

«Цилп-цалп, цилп-цалп...» — зазвучит где-то недалеко от вас. Это пеночка-капелька (она же теньковка), исполняя свою нехитрую, но очень радостную песенку, примется настраивать вас внимать падающим каплям.

В некоторые из них заглянет солнечный луч — и те преиспешчатся радужными переливами, как душа человека, открытая горнему, — красотой.

«Цилп-цалп, цилп-цалп...» — раздастся еще ближе.

В такт этой песне будут вздрагивать, точно от чрезмерной свежести, былинки и листья мелких трав, принимающих на себя летящие капли.

Вы попадете в добрый стих, и вам почудится, что каждая частица брызг от ударов капель о ветви и обнаженные корни, вобрав в себя какой-то один цвет радуги и пав на землю, определит место будущему цветку: красному, желтому, голубому...

Малиновка

*Золотой голосок малиновки звучит
невинной болтливой радостью...*

И. С. Тургенев

Был разбужен среди ночи малиновкой — звучным залившимся ее пением. Вернее, песня малиновки вошла в мой сон, превратив его в сладостное забытие. Птицу эту называют

еще садовой камышевкой, а еще — сорокапесенником. Принялся считать колена в ее песне: досчитал до пятнадцати и сбился со счета. Куда там нынешним соловьям с их пяти-семичастным пением! Спору нет: громко и сочно поют соловьи, если хотите — презентабельно. Но пение их — скорее эстрада, не в пример малиновкам с их «бельканто», где красочные рулады и ритмы составляют яркое кружево-капричио.

До пяти утра чаровала меня малиновка. Все пространство под моими окнами было опето ею, и теперь оно благодатно, как намоленный храм.

Зорька

Верхняя пара крыльев самца этой бабочки удивительно красиво охвачена ярко-оранжевым цветом, какой имеет корка апельсина. Остальная поверхность крыльев — чистейшей белизны.

Так и заря разгорается не на всем небе.

Макрокосм отобразился в бабочке-зорьке — микрокосме — и стал ее частью, как природа, по словам о. Павла Флоренского, является частью человека.

Ленточница

Из всех деревьев на опушке я видел тогда только осину, вокруг которой вилась красивая большекрылая бабочка — ленточница тополевая. Что-то едва уловимое виделось в движениях ленточницы: пристраивая свое потомство, она словно ластилась к дереву, улещала его. И пока суежилась хлопотунья, как бабочки, порхали на ветру листья осины, и казалась вечной горячая небесная синева.

Пройдет время, и полетят ленточницы следующего поколения. Отыскивая влажные места на лесных дорожках и проселках, они будут потягивать из земли живительные соки. Встречая ленточниц на своем пути, заблаговременно остановишься, чтобы не испугнуть этих красавиц, чьи темно-коричневые крылья на расстоянии неотличимы от черных. Причудливо расписанные, они покажутся тебе палехскими брошками, которыми вдруг кто-то украсил землю.

Перламутровка и другие

Праздник с участием бабочек начался в установленное время, когда ручейки разогретого воздуха растеклись по всем ложбинкам и оврагам. Они уже побывали под льнущими к земле листьями подорожника, пробрались в низинках через заросли крапивы и таволги, ласково качнули закрытые цветы, чашечки и венчики которых не преминули распуститься, — словом, устремились во все концы, наполняясь новыми и новыми запахами и ароматизируя россыпи без того уже приятно пахнущих медвяных рос.

В первом туре танца приняла участие перламутровка. То здесь, то там мелькал ее «императорский» плащ, украшенный переливами радужных цветов.

Затем закружились адмиралы в мундирах, махаоны во фраках, огненные червонцы, яркие аполлоны. А рядом с ними — незабудкового колера голубянки, желтенькие лимонницы, нежные бархатницы, веселые многоцветницы. Кружась, они сыпались на благоуханные цветы, как конфетти, и снова взлетали, продолжая праздничное движение.

Славно смотреть на это! Не успев налюбоваться узором на крыльях одной бабочки, восхищаешься другой. Узоры сменяют друг друга, как в прекрасном калейдоскопе, вращая который, думаешь, что самое красивое еще впереди.

Траурница

О том, что в названии этой бабочки звучит печаль, я вспоминаю только на закате лета, когда ее нередко видишь летящей над умершими луговыми травами.

В другое время она для меня просто прелестное создание. На ком еще такая красивая мантилья из темно-коричневого бархата, украшенного золотыми или серебряными позументами и шитого голубым восхитительным бисером!

Посмотрите на траурницу, когда она вдруг прекратит порхать и начнет планировать. Не напомним ли она летящего сказочного героя, развернувшего за спиной волшебный плащ?

Переливница

*Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.*

А. А. Фет. Бабочка

Первая моя встреча с бабочкой-переливницей состоялась на опушке городского леса. Опустившись на влажную дорогу, на расстоянии достаточном, чтобы ее можно было хорошо разглядеть, она не долго играла роль незнакомки. Когда переливница раздвинула сложенные крылья, я увидел, как по ним растекался восхитительный фиолетово-синий отлив, который радовал взгляд, как прекрасное вино, наполнившее хрустальный сосуд.

Смежая и раскладывая свои бархатно-темные крылья, переливница просто покорила мое воображение — и я мысленно переносился то в пасмурный день, то в солнечное росистое утро, когда каждая былинка протягивает тебе горсть отменных бриллиантов. Казалось, что я смотрю какой-то необыкновенный слайд-фильм. Но нет: не два кадра было в том фильме, а гораздо больше. Каждый повтор приносил все новые образы, при всяком из которых я восхищенно шептал известные и, наверное, легкомысленные слова: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Любуясь бабочками

О чем только не подумаешь, глядя на наших бабочек!

Однажды я обнаружил, что при внимательном рассмотрении некоторых из них начинаю вспоминать творческие портреты и литературные привязанности ряда писателей. Вот несколько таких ассоциаций: черно-красный адмирал — Стендаль, густо-оранжевый червонец огненный — Гарсиа Лорка, многоцветница — Пришвин, павлиний глаз (дневной) с причудливыми переливами цветов — Пруст, махаон с восточным орнаментом на крыльях — Омар Хайям...

Моя необычная коллекция

Медленно растет моя коллекция — один-два экземпляра за лето. Но уже есть чем гордиться. Все экземпляры надежно хранятся в памяти: это случаи особого знакомства с уже

известными или неизвестными мне бабочками, когда какая-либо из них вдруг опустится на мою одежду и доверчиво замрет на секунду-другую, принося ощущение полноты общения с природой.

Среди бабочек, с которыми я познакомился таким образом,— большая переливница, тополевая ленточница, павлиний глаз, бархатка и другие.

На дубе

Лесная река Пижма, на берегах которой ни одного города и очень мало деревень,— сокровище вятской природы.

Вода в Пижме, настоящая на древесине когда-то упавших в реку дубов, имеет коньячный оттенок. Считая такую воду чистой, мы пьем ее в жаркое время прямо из реки, зачерпывая кружкой (никто, разумеется, ни разу не заболел).

Собираясь летом на Пижму, мы берем с собой, конечно, и репелленты, и марлевый полог. Но когда в жаркий полдень на Пижме начинают одолевать слепни, прибегаем порой к иному, более оригинальному, средству — забираемся на могучий кряжистый дуб, среди ветвей которого ходят верховые сквозняки, отгоняющие всех кусающих тварей.

Притулившись в развилке мощных ветвей дуба, каждый из нас предается тишине. Один, быть может, вспоминает: «У лукоморья дуб зеленый...» А другой, перенесясь мыслями во времена раннего детства, слушает седую старушку, напевающую вполголоса: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу — сидит ворон на дубу и играет во трубу...»

Сказка о первой кувшинке

На невысоком пагорке устроила гнездо свое утка. Но незадачливой оказалась эта наседка. Однажды загомозилась, загомозилась она — одно яйцо вывалилось из гнезда, покатилося к старице — и бултых! Поминай как звали неродившегося утенка.

Но ничто в природе не исчезает бесследно. На месте падения выросла дивья красавица — кувшинка. И не случайно затейливо разделанным яичным белком кажутся ее лепестки, обрамляющие пестичный «желток». Ведь кувшинка — родная сестра утятам. А вот и они сами поплыли к ней, усердно работая маленькими лапками.

Когда забывается время

Воцарялась мягкая летняя ночь. Полная луна как будто любовалась своим отражением в реке. Легкая рябь на воде порой оживляла его. Просторы заливного луга объяла полная тишина. Таинственно курился дым остывающего костра. Рядом была палатка остановившихся на ночь за городом никому не известных людей. Тут же стояла телега со скарбом, на оглоблях которой сушилась простая одежда. Выпряженная саврасая лошадь паслась на привязи; она медленно переступала ногами и взмахивала своим богатым пышным хвостом. Шелковистой и мягкой казалась ее длинная грива. «Бесконечное странствие — может быть, это и есть настоящая жизнь», — подумал я.

Взор привлекали и величественные храмы Яранска, возвышавшиеся на горе. С каждой минутой я чувствовал себя все более легким и свободным. Уходить не хотелось, как не хотели расставаться друг с другом двое влюбленных на берегу.

Медленный речной поток как будто заменял движение времени, и совсем неважно было, какое сейчас столетие. Едва слышно пофыркивала лошадь, все прозрачнее становился дымок костра. Какая-то щемящая сладкая тоска охватывала меня, и напрашивались слова: будь же ты благословенна, родная земля!

Все одето солнечным светом

Начало июля. Вечерняя тишина. Солнце все ниже и ниже, и я иду ему навстречу, охваченный его косым светом и немного ослепленный. Солнце уже не калит, не жжет, как было днем, — оно БЛАГОтворит и утешает. Травы, летящие насекомые, кроны деревьев в лучезарном воздухе — все одето солнечным светом, все в его ореоле и сияет. И там, наверху, тоже сияет.

Над ослепительным газоном взлетает белая трясогузка и на несколько секунд замирает, трепеща крыльями. Солнце сквозит в них, делая крылья полупрозрачными и сияющими. Какая легкость и нежность во всем! Как чудно преобразился мир — давно знакомый, привычный и неброский!

Благодать, нисходящая свыше, — не так ли действует и она?

Блистательное скерцо

Тихий июльский вечер был полон очарования. С моста через реку Ярань просто не хотелось уходить. Плес уже окрашивался закатным багрянцем. Возникая то здесь, то там, медленные, как хороводы, на поверхности воды расходились все новые круги: пересекаясь друг с другом, они создавали беспрерывную рябь. То «плавилась» многочисленная уклейки, взблескивая яркой серебристой чешуей. Десятками уклеек вспыхивала Ярань каждый миг. Под неслышную музыку реки пританцовывала мошкара. Искрометной этой музыкой заслушались и недвижимые кувшинки.

А река медленно несла свои воды. Прозрачный, как кисея, над ней потянулся туман.

Волнуется море зелени

Середина июля. Словно спасаясь от жары, «очертя голову», по улицам городка проносятся махаон. Быстро мелькают на солнце его желтые крылья.

Ищу прохлады в своем жилище, на пятом этаже. Под окнами море зелени: липы, клены, березы, двухсотлетняя лиственница. «Море» волнуется на ветру. Оттенки зеленого просто не перечесть. Не только шелестом листвы озвучена эта зелень, но и трелями двух зеленушек. Птицы поют друг за другом: трелька за трелькой, — на противоположных концах зеленого массива. Временами кажется, что поет только одна зеленушка и что волна ее песни, прокатившись через всю зелень, отражается о невидимую преграду.

Простые зеленые ветви, но как многоречивы они!

Симфония рощи

Поднялся ветер, и старая роща шумно заговорила, став трепетно-многоголосой; заколобродили вершины огромных берез. Необъятной, как море, широкой, как симфония, казалась масса говорливой листвы. Нечто мятежное слышалось в ее шуме. Но словно не от мира сего был этот шум: настолько высоко простирались березовые ветви.

Было 16 июля. Но с деревьев беспрерывно падали листья: первый, второй, третий... — ловил твой взор, — и вот уже больше десятка. Желтые и желто-зеленые, они виднелись и на

тропинках, и в траве. Особенно хороши были те, что с зеленым крапом.

Многие бабочки порхали вместе с листьями среди белых стволов. И бабочки, и листья — все трепетало, все волновалось, как и там, среди вершин. Патетичная и величественная, симфония рощи была прекрасной и без птичьих песен, которые уже отзвучали.

Русский сервиз

Узор из листьев водных растений на поверхности озера затейлив и богат. Вот показалась утка с выводком. Гляди — не нагладишься: на камчатной скатерти ендова и несколько ее маленьких копий — русский сервиз.

Васильки во ржи

В тот день путь мой пролегал вдоль межи ржаного поля. Склоненные полновесные колосья щекотали остями мое лицо. То там, то здесь среди желтеющих хлебных стеблей красиво мелькали васильки. Так шел я и любовался.

Но вот два растущих рядом василька заставили меня остановиться. О как доверчиво и простодушно смотрели они, будто это были голубые глаза когда-то существовавшей русоволосой красавицы, имя которой — Русь!

Желна

Общепризнанным царем птиц является орел. А кто же занимает прочие иерархические ступени в птичьем царстве? Оказывается, многие из них все еще не заняты.

На одну из вакантных ступеней — католического епископа — претендует дятел-желна. Он уже облачен в черную сутану и носит красную ермолку.

«Лицо» его под черной маской. Он не прост: каждый, кто слышал его «барабанные трели», знает, сколько таинственности придают они лесу.

Торжествующая красота

Полет этих бабочек был неопишуем. На фоне яркой зелени вспыхивали их разноцветные крылья. Вот одна из бабочек опустилась на травяной стебель и замерла. Дивные переливы

голубого и розового растекались по исподу ее крыльев, колерами павлиньего глаза красовалась она сверху. Где-то рядом занялась небесная песнь камышевки: словно обликом бабочки вызывались эти чарующие звуки, убеждая, что настоящая красота не меркнет бесследно.

Было в том сне и пение прекрасного хора, и воссоединение близких людей, и чудные храмы среди молчаливых деревьев; была и целительная умиротворяющая тишина, озвученная мелодией торжествующей красоты.

Беру урок у шиповника

Все было в том шиповнике: и яркая зелень, и увядшие ветки, и несколько цветов, и плоды. Особенно впечатлял один облетевший, но оставшийся в кроне листок. Как зыбка, качался он на нитях паутины.

По-разному предстает в одно и то же время и человек: что-то продолжает цвести, что-то уже увядает. И «буйству глаз», и «половодью чувств» — всему плотскому приходит конец. Одна лишь душа может всегда плодоносить.

Июльская песнь

Солнце было в зените. Фиолетовым костром пылала консолида. Тут же порхал червонец огненный. Не умолкало жаркое стрекотание кузнечиков. Полновесные колосья ржи клонились к консолиде. Бирюзовые хлебные стебли словно радовались соседству фиолетовых цветов. Все они были звуками волнующей сердце сладостной песни. Широка была эта песнь: объятые ветром тополя разносили ее по просторам. Солистом в пении был жаворонок. Певун прощался с летним праздником. Передадут ли поэты его любовь к Родине?!

Вспоминая цирк

*В прозрачном воздухе,
как в цирке голубом.
О. Э. Мандельштам*

Клумбы той аллеи не отличались разнообразием цветов: только бархатцы, львиный зев и шалфей.

Львиный зев предпочитали шмели. Сильные, они проди-

рались между сомкнутыми «губами» цветов — прямо в «львиную пасть»: отчаянный аттракцион, награда за который — всего лишь капля нектара.

Не забыты были и бархатцы. Над ними вилась бабочка — дивный павлиний глаз. Крепчал ветер, и, двигаясь на цветке, бабочка ловко балансировала на крыльях. Только бархатца-ми занималась эта эквилибристка.

Маленькие тени мелькали по клумбе — то проносились белые трясогузки. И не случайно вспоминались воздушные гимнасты.

Радостная круговерть все продолжалась. Пропеллерно кружась, на клумбу падали крылатки липы.

В природном цеху

Весь световой день кроят голубые небесные шелка стрижи и ласточки. Замечательно трудится славка-портниха. Без усталости строчат на швейных машинках кузнечики. Прядет и прядет крыльями охотящаяся пустельга. Вяжут рыбацкие сети пауки...

Стараются все, дабы было что показать приемщице-осени.

С ностальгией по небесному отечеству

Август уже не за горами. Не слышно птичьих песен. Но березовая роща по-прежнему напоена ярким солнечным светом. Объятые торжественным молчанием, замерли белоствольные красавицы. Но, как души берез, в роще летает множество бабочек-капустниц. Жалобно, будто с мольбой, «цикают» мухоловки, печально посвистывают пеночки. В мире, полном скорбей, не мятется ли каждое существо! Но гармония мира нездешнего досягаема лишь человеку.

Май

Кто заглядится на зеленую май — обычное растение наших пустырей? Но поздним летом она преобразается частью листвы, и та вспыхивает алым цветом, радуя наш взор. Не так ли простая невзрачная пташка вдруг зачарует сладостной своей песнью... И малое содержит великое, и заурядный внешне человек несет в себе отблеск небесного света.

СОДЕРЖАНИЕ

О книге Валерия Вяткина «В кругу заветной красоты»	5
И в красоте слышна печаль	7
Контрастен мир и полон диссонансов	25
Тихий свет надежды	63
Вновь красота, пленяя, торжествует	99

Валерий Викторович ВЯТКИН

В КРУГУ ЗАВЕТНОЙ КРАСОТЫ

Лирические миниатюры о природе

Редакторы:

Н. Гашева,

В. Раков

Художник

А. Новиков

Вяткин В. В.

В 99 В кругу заветной красоты: Лирические миниатюры о природе. — Пермь: ИПК «Звезда», 2005. — 128 с.

ISBN 5-88187-257-6

УДК 882-1

ББК 84(2 Рос=Рус)6—5

Верстка, корректура — ИПК «Звезда»

Сдано в набор 15.01.05. Подписано в печать 05.05.05.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага ВХИ. Гарнитура «School». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,72. Тираж 1000 экз. Заказ № 4475.

**Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.**

